

*Жертва встречается с преступником.
Проведение Программ восстановительного правосудия в
тюрьмах*

Москва 2002

Международная тюремная реформа
Центр «Судебно-правовая реформа»

Под редакцией
Максудова Р.Р.

Научный редактор:
Пашин С.А.

Перевод с англ.:
Харикова Н.

Жертва встречается с преступником.
Проведение Программ восстановительного правосудия в тюрьмах.
М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – ... с.

При финансовой поддержке организации
«Международная тюремная реформа» (Penal Reform International)

© МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям

Концепция восстановительного правосудия в тюрьмах

Киммет Эдгар. Восстановительное правосудие в тюрьме?

Энн Мейс. Восстановительные принципы в местах лишения свободы

Программы восстановительного правосудия в тюрьмах: анализ и вопросы организации

Аннели Ферштрате, Хильде Верхувен, Инге Вандойрцен. Восстановительное правосудие в бельгийских тюрьмах

Надя Биерманс. Восстановительное правосудие в бельгийских тюрьмах

Расс Иммариджеон. Программы примирения жертвы и правонарушителя в тюрьме

Расс Иммариджеон.

Организация программ медиации жертвы и правонарушителя в местах лишения свободы:
проблемные вопросы

Случаи

Мэри Э. Прайс. Медиация по случаю вождения автомобиля в нетрезвом виде, повлекшего за собой смерть: работа над одним делом

Чарльз Сиглер. Я сказала убийце своего сына, что прощаю его

ПРИЛОЖЕНИЕ

Польский проект "Медиация после приговора"

Обращение к читателям

В 1999 году в Великобритании на Международной конференции по реформе уголовных наказаний, на которую по инициативе организации «Международная тюремная реформа» собрались 120 специалистов в области исполнения наказаний из 50 стран мира, восстановительное правосудие было названо «предпочтительной формой процесса уголовного правосудия, потому что оно укрепляет социальную ткань и вероятно приведет к сокращению уровня использования тюремного заключения». Московский офис «Международной тюремной реформы» уже несколько лет поддерживает проекты, связанные с организацией программ восстановительного правосудия в России. В настоящее время по инициативе сотрудников московского офиса Виктории Сергеевой и Аллы Покрас делаются шаги по созданию условий для проведения программ восстановительного правосудия для заключенных. Данные программы могут охватывать как встречи жертв и заключенных, так и примирение заключенных и их родственников в случае нарушенных семейных отношений. Примирение или нормализация отношений заключенных и их родственников тем более актуальны, что, как указывает Энн Мейс (см. данный сборник), основываясь на исследованиях, проведенных в Англии, для заключенных, не имеющих поддержки семьи, риск рецидива возрастает в 2 - 6 раз.

Данный сборник переводов, посвященных теории и практике проведения программ восстановительного правосудия в западных тюрьмах может дать некоторые ориентиры для активистов в области реформирования российской системы наказаний. При этом, важен анализ трудностей данной практики, многие из которых характерны и для России.

В то же время открытость многих сотрудников Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции России и персонала колоний к самым разнообразным предложениям лидеров общественных организаций, работающих с заключенными, вселяет веру в то, что проведение данных программ в России не есть утопическая мечта.

Издание данного сборника было бы невозможно, если бы не помощь специалиста по восстановительному правосудию из Бельгии Иво Айретсена, который предоставил большую часть текстов для перевода. Важная роль в постановке проблем проведения программ восстановительного правосудия принадлежит польской коллеге Янине Валюк, с которой автор этих строк впервые обсуждал тему данного сборника.

Рустем Максудов

КОНЦЕПЦИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В ТЮРЬМАХ

Киммет Эдгар
Оксфордский Центр криминологических исследований

Восстановительное правосудие в тюрьме?¹

Чуть-чуть воображения и очень много мужества – и тюрьмы могут стать естественной средой для восстановительного правосудия.

Восстановительное правосудие видит в преступлении главным образом вред, который затрагивает жертв и правонарушителей и распространяет «круги» страдания по всему сообществу. Ответом на преступление становится совместное участие жертв и правонарушителей (часто в присутствии других заинтересованных лиц) в процессе, посредством которого каждый человек, затронутый происшествием, вносит свой вклад в решение того, как можно исправить вред и восстановить социальную гармонию. Цель заключается в том, чтобы удовлетворить потребности жертвы и стимулировать принятие правонарушителем ответственности, обязывая его к возмещению причиненного жертве вреда.

Существуют очевидные препятствия, которые стоят на пути использования тюремного заключения для исправления вреда, причиненного в результате преступления. Несмотря на вполне оправданные оговорки, однако, цели восстановительного правосудия предполагают способы, позволяющие тюрьмам «восстанавливать» преступников, а не карать их. И, в некотором смысле, персонал тюрем уже работает в этом направлении.

Восстановительное правосудие принесло с собой понимание того, что преступление причиняет вред не только его непосредственным жертвам, но и широкому кругу других людей. Оно может повлиять на родственников и соседей жертвы, на окружающее сообщество. Более того, преступное поведение вредоносно сказывается и на самом преступнике, на его семье и друзьях.

Заключение в тюрьму сына или дочери, сестры или брата, матери или отца оказывается для семьи одним из самых мучительных и болезненных последствий преступления. Тюрьмы добились огромного успеха в попытках уделять больше внимания потребностям родственников заключенных. В последние годы администрации тюрем стали лучше относиться к семьям заключенных, что проявилось в изменении статуса этих семей, так как подтвердилась их крайне важная роль в снижении рецидива.

Восстановительное правосудие могло бы сделать тюрьмы более восприимчивыми к вреду, который наносит семье заключение родственника, более внимательными к задаче снизить дискомфорт, который иногда испытывают члены семьи, посещая тюремное заведение, обсуждая с сотрудниками тюрьмы жизненные обстоятельства заключенного или подвергаясь доскональному изучению перед освобождением их родственника.

Наиболее многообещающие успехи достигнуты в рамках восстановительного правосудия при организации встреч жертв и правонарушителей. Однако лиц, ставших жертвами преступлений, тюрьма часто отпугивает, и если просить потерпевших встречаться с правонарушителями в тюрьме, возникает риск вторичной виктимизации пострадавших.. Не следует исключать возможности проведения медиации жертвы и правонарушителя в тюрьме при наличии у жертвы соответствующего желания. Однако тюрьмы могут стать более

---

¹ Kimmatt Edgar *Restorative Justice in Prison?* //Prison Service Journal, May 1999, №123, pp. 6-7.

«восстановительными», если внимание будет сконцентрировано хотя бы только на роли, которую может при примирении взять на себя правонарушитель. Работа с одной из сторон в отсутствии другой не есть идеал, к которому стоит стремиться, но шаги, столь важные для процесса исцеления (как, например, принесение пострадавшему искренних извинений и первые попытки исправить причиненный ему вред), могут быть предприняты и без того, чтобы жертва сидела за столом напротив своего обидчика.

Отправная точка для конференции или медиации – это принятие правонарушителем на себя ответственности за пережитое жертвой. Многие программы, проводящие конференции, требуют изначального признания правонарушителем своей виновности в совершении преступления. Работа, которая ведется сегодня с заключенными, сосредоточена как раз на этом вопросе. Курсы и семинары, посвященные преступному поведению, нацелены на то, чтобы помочь заключенным связать принятые ими решения с последствиями этих решений, что должно развить в них чувство ответственности и понимание воздействия преступления на потерпевших.

Возмещение вреда (компенсация) имеет в тюрьмах долгую историю. Заключенные собирают деньги на благотворительные цели, мастера игрушки, участвуя в марафонах, проводя концерты и устраивая театрализованные представления. Но в этих действиях заключенных не всегда проявляется цель возмещения вреда от конкретного преступления, вероятно, потому, что указанные мероприятия носят обезличенный характер: соответствующие возможности в плановом порядке предоставляются некоторым заключенным, однако они не возникают из соглашения, заключаемого между жертвой и правонарушителем в присутствии людей, которые поддерживают каждого из них. Чтобы проверить мотивы заключенного и убедиться в их чистоте, необходимо внести личный элемент в осуществление компенсации.

Решение проблемы состоит не в том, чтобы побуждать заключенных в одностороннем порядке пытаться возместить «их» жертвам причиненный вред, поскольку многие люди, оказавшиеся потерпевшими от преступлений, не станут с радостью одобрять инициативы своих повинившихся обидчиков. Тем не менее, спектр возможностей для заключенных в предоставлении своим жертвам компенсации может быть расширен. К тому же, можно было бы установить более тесные связи с тем населенным пунктом, где проживал правонарушитель до заключения, чтобы его стремление возместить нанесенный ущерб принесло пользу его собственному местному сообществу.

Медиация оказывала исцеляющее действие в самых разнообразных ситуациях, начиная с соседских конфликтов из-за нарушения тишины и заканчивая встречами между убийцами и родственниками тех, кто погиб от их рук. Исходя из идей восстановительного правосудия целесообразным представляется также проведение встреч-медиаций по поводу преступлений, совершаемых заключенными друг против друга, таких, как нападения и кража. Однако часть процесса восстановительного правосудия (будь то конференции или медиация жертвы и правонарушителя) – это создание безопасного пространства. Ощущение безопасности удовлетворяет основную потребность жертв преступлений. Безопасность также важна и для самого восстановительного процесса, поскольку позволяет всем участникам общаться свободно и свободно выражать те чувства, которые рождает у них преступление.

Среди последних данных, свидетельствующих о небезопасности тюрем и учреждений для несовершеннолетних преступников, можно назвать результаты исследования, которое показало, что в исправительных заведениях каждый третий несовершеннолетний и каждый пятый взрослый правонарушитель раз в месяц подвергаются нападению. Еще большее число заключенных сообщали об угрозах насилием. Похоже, медиация между заключенными-правонарушителями и заключенными-жертвами требует для работы более безопасной социальной атмосферы, нежели та, которая характеризует современную тюрьму.

Более практичной моделью для использования в тюрьмах представляется модель медиации между соседями. «На воле» медиация между соседями призвана посредством достижения соглашений, удовлетворяющих каждую из сторон, предотвратить эскалацию конфликтов. Как и восстановительное правосудие, медиация нацелена на поиск решения, приемлемого для всех участников конфликта. Отличие соседской медиации от конференций или посредничества между жертвой и правонарушителем в том, что в первом случае ни одна из сторон не определяется как виновная. Медиатор способствует обмену мнениями, который позволяет сторонам выработать решение типа «выигрыш-выигрыш», то есть решение, обеспечивающее соблюдение законных интересов всех участников спора.

Заклученные вполне могут овладеть навыками поиска ненасильственных решений в чреватых применением насилия спорах. Работа в этом направлении уже проводится в некоторых заведениях. Сотрудники одного из учреждений для несовершеннолетних правонарушителей обучают своих подопечных роли медиаторов-сверстников. Действует также Проект «Альтернативы насилию», направленный на развитие у заключенных навыков управления конфликтом. Но тюрьмы могли бы приложить и больше усилий для создания групп медиации, в состав которых входили бы обученные добровольцы-заключенные. Разрешение споров на ранней стадии могло бы предотвратить хотя бы некоторые случаи, когда кто-то нападает, а кто-то становится жертвой, а без подобных происшествий в тюрьмах сейчас не обходится.

Тюрьмы могут обрести более восстановительный характер, поощряя принятие заключенными на себя ответственности за последствия их поступков, предоставляя им более широкие возможности для возмещения причиненного вреда и исправления содеянного, создавая официальные каналы для проведения медиации между заключенными в целях разрешения возникших конфликтов. Работа в каждой из этих областей уже проводится в тюрьмах по всей Англии и Уэльсу, уверенно подтверждая значительный потенциал развития восстановительного правосудия в тюрьмах.

Энн Мейс

Восстановительные принципы в местах лишения свободы ² Взгляд в будущее

Ноябрь 2000

Настоящее

В Англии и Уэльсе мы вступили в новое тысячелетие с рекордно высоким количеством тюремного населения³. В последующие годы прогнозируется дальнейший рост этого показателя. Вполне возможно, что к 2007 году число заключенных достигнет 80 000⁴.

---

² http://www.kcl.ac.uk/depsta/rel/icps/restorative_prison.doc

³ В конце октября 2000 года число лиц, находящихся в местах заключения в Англии и Уэльсе, равнялось 64218. Сейчас наказание отбывает на 23024 больше заключенных, чем в 1979 году. Самый большой скачок произошел в период с 1995 по 1997 год, когда среднее ежедневное число тюремного населения возросло с 51000 до 61000.

⁴ «Исполнение прогноза об увеличении числа заключенных на 0,6% в год для мужчин и на 1% для женщин, а также о ежегодном увеличении назначаемых приговорами судов сроков наказания на 1,5% для мужчин и на 2% для женщин приведет к возрастанию численности тюремного населения в 2007 году до 80300 человек». *Projections of Long Term Trends in the Prison Population to 2007*. Home Office Statistical Bulletin Issue 2/00. 10 February 2000.

Количество людей, отбывающих наказание в тюрьмах, за период с 1993 по 1999⁵ год увеличилось больше чем на 45 процентов, тогда как уровень зарегистрированных преступлений средней тяжести, таких как кража со взломом, транспортные преступления, нападения и нанесение ущерба понизился⁶. Кроме того, не происходило столь значительных изменений в законодательстве, которые могли бы объяснить такое резкое количественное увеличение тюремного населения. Если говорить проще, теперь большее число людей попадает в тюрьмы и им назначаются более длительные сроки лишения свободы⁷.

Тюрьмы обязаны принимать столько людей, сколько туда их направляют суды. Тюремщики должны надежно охранять заключенных и в нужное время выпускать их на свободу. В тюрьмах должны также обеспечиваться такой режим и внутреннее устройство, которые способствовали бы последующей адаптации заключенного к свободе и снижали бы вероятность рецидива⁸. Выполнение этих обязанностей – сложнейшая задача, стоящая перед всеми работниками тюремной системы. Если учитывать неуклонный рост тюремного населения, то эти задачи встают перед каждым, кто всерьез думает о назначении тюремного заключения и ожидаемых от него результатах. Разве нельзя уже сейчас подумать о создании более конструктивной и полезной системы каждодневного личного взаимодействия для тысяч людей, помещенных в тюрьмы и работающих там? Не настало ли время по-новому и творчески поразмыслить над теми надеждами, которые общество возлагает на свои тюрьмы, а также над отношениями тюрьмы и заключенных с обществом, в которое все осужденные, за небольшим исключением, в конечном итоге возвращаются⁹?

Несмотря на постоянные усилия сотрудников тюрем, в настоящее время только незначительное число заключенных действительно участвуют в программах или мероприятиях, нацеленных на предотвращение рецидива с их стороны после освобождения. Неверно и мнение, будто осужденные в течение обычного рабочего дня заняты производительным трудом в цехах или приобретают навыки, увеличивающие их шансы получить работу после освобождения. Такие возможности получает лишь относительно небольшое число заключенных¹⁰. Для многих пребывание в тюрьме сегодня не является средством сознательного и осмысленного изменения собственной жизни, попыткой вновь стать гражданином и порвать с преступной жизнью. Время, проведенное в заключении, зачастую

---

⁵ Prison Statistics 1999.

⁶ 1997 год стал пятым подряд годом, отмеченным снижением уровня фиксируемой преступности. *Digest 4 – Information on the criminal justice system in England and Wales*, Home Office, 1999.

⁷ В 1980 году средний срок назначаемого приговором суда тюремного заключения для мужчин старше 21 года равнялся 11 месяцам. К 1998 году он возрос до 18,4 месяцев (*Criminal Statistics* 1998). В 1999 году количество лиц, осужденных к наказанию в виде тюремного заключения всеми судами за все преступления, составляло 105300 (на 5% больше, чем в 1998 году). 23,4% лиц, осужденных за преступления в 1999 году, были осуждены к наказанию в виде тюремного заключения. Это самый высокий показатель за последние сорок лет. См. также: *Cautions, Court Proceedings and Sentencing England and Wales 1999*. Home Office Statistical Bulletin, Issue 19/00.

⁸ См.: Заявление о задачах исправительной системы в *HM Prison Service Annual report and Accounts April 1998 to March 1999* или на веб-странице <http://www.hmprisonservice.gov.uk/>

⁹ Как сообщается в предисловии к недавнему отчету Главного инспектора тюрем, касающемуся тюрьмы «Блэнтаэр Хауз», «только 26 заключенных из 63820 человек, составляющих, по последним данным, тюремное население, в соответствии с приговором суда никогда не выйдут из тюрьмы». *Full Announced Inspection of HM Prison Blantyre House 17 – 21 January 2000*, HM Chief inspector of Prisons. Доступно в Интернете на <http://www.hmprisonservice.gov.uk/hmipris/insrep.htm>

¹⁰ Среднее время, в течение которого заключенный еженедельно участвует в «целенаправленной деятельности», разнится в зависимости от категории тюрьмы, а также от конкретных тюрем. В 1999 году этот показатель в среднем составлял 23,2 человеко-часов в неделю. Он ниже запланированных 24 часов. В том же самом году количество часов, посвященных образованию, составляло 5,74 часа в неделю (*Prison Statistics 1999*). В Ежегодном отчете Главного королевского инспектора тюрем Англии и Уэльса за 1998-1999 год говорится, что «необходимо повысить статус образования и профессионального обучения в исправительных учреждениях».

проходит монотонно и лишено четко очерченных целей. Отделяя людей от их семей и местных сообществ, помещая их в тюрьмы (которые могут находиться на значительном расстоянии от мест проживания¹¹), мы рискуем разорвать позитивные отношения поддержки и общинные связи, которые могли бы оказать свое благоприятное воздействие в период заключения и после освобождения осужденного из тюрьмы¹².

Если такие обстоятельства сохранятся, существует реальная опасность того, что возвращаться в общество будут забытые люди в угнетенном состоянии, и с фаталистическим настроением. Пребывание в тюрьме ни в коей мере не исправит их и не сделает лучше подготовленными к законопослушной жизни. Есть также и опасность того, что по освобождению они не будут иметь необходимые связи и отношения с обществом, которые могли бы помочь в преодолении дистанции между жизнью в исправительном учреждении и трудной задачей возобновления законопослушной жизни вне тюремных стен.

Новый контекст

Мы вполне бы могли взглянуть совсем по-иному на задачи, стоящие перед приговорами к тюремному заключению, и на то, каким образом осужденные проводят время в тюрьме. Мы могли бы подумать о потенциале и перспективах, скрывающихся за изменением отношений между местными сообществами и находящимися в их пределах тюрьмами. Основываясь на успешных результатах, которых добиваются некоторые заключенные, участвующие в индивидуальных программах, мы могли бы предложить широкой массе заключенных возможности через труд и позитивные мероприятия установить связи с теми сообществами, в которые им предстоит потом влиться. Можно было бы начать с допущения, что заключенный в состоянии действовать как ответственный человек, способный как на дурные, так и на хорошие поступки, что он может использовать предоставляемые тюрьмой возможности для исправления или возмещения – будь то конкретным жертвам или обществу – причиненного им некогда вреда.

Задачей тюремного персонала в таком случае стала бы мотивация и активация во всех аспектах тюремной жизни таких форм поведения осужденных, которые носили бы позитивный характер и были бы ориентированы на заглаживание вреда. Ежедневные мероприятия, занятия и отношения сотрудников и заключенных могли бы задать основу для «упражнений» в возвращении в законопослушное общество и обретении опыта возобновления и укрепления общественных и межличностных связей. Такие связи могли бы сохраниться и после освобождения, что способствовало бы адаптации бывшего заключенного в обществе и повторного обретения им «гражданства».

Эти идеи очень близки тем, которые вне тюремного контекста обычно называются «восстановительным правосудием». Исследование, проведенное в 1999 году Либманн и Брейтуэйт, показало, что попытки привнести в места лишения свободы подходы восстановительного правосудия путем внедрения понятий «возмещения» и «исправления» носят

---

¹¹ Национальный обзор тюрем 1994 года показал, что родственникам осужденных приходится проезжать в среднем 62 мили, чтобы навестить заключенных. В случае учреждений для малолетних правонарушителей величина этого показателя поднималась до 100 миль. Сходные данные отражены также в опубликованном в 1991 году «Отчете о расследовании беспорядков в тюрьмах в апреле 1990 года», составленном лордом-главным судьей Вульфом и судьей Стефеном Тьюминым.

¹² См., например, отчет парламентской общепартийной группы по пенитенциарным вопросам «Возможности влияния на преступное поведение: отдельные приемы «срабатывают», 1997/8. По данным Министерства внутренних дел, для заключенных, не имеющих поддержки семьи, вероятность совершения преступления в первый год после освобождения в 2 - 6 раз больше, нежели для тех из них, кто сохранил тесные отношения со своими родственниками. John Ditchfield, *Family Ties and Recidivism*, Home Office Research Bulletin No. 36, 1994.

пока очаговый характер и зависят в значительной мере от инициативы и удачи отдельных энтузиастов. Исследовательницам удалось также выявить, что эти инициативы, если их не включают в тюремный контекст, зачастую оказываются кратковременными или теряются в свете других приоритетов. В исследовании, однако, есть ссылка на «несколько тюрем ..., начавших видеть в восстановительном правосудии философию, которой должны быть наполнены все их действия и начинания»¹³. В 1996 году министр юстиции Бельгии указал на то, что первостепенную задачу исправительных служб (реализация безопасных и гуманных корректирующих мер, направленных на социальную реинтеграцию осужденного) необходимо связать с понятием восстановительного правосудия (исправлением и возмещением)¹⁴. Таким образом, восстановительное правосудие могло быть рычагом для реинтеграции правонарушителя в общество.

Восстановительный подход

Каким образом этот «рычаг» может действовать в будничном мире тюрьмы? Каким может быть воздействие восстановительных принципов на každодневную жизнь осужденного и на роль сотрудников тюрьмы? Каким образом восстановительные идеи способны изменить взгляд общественности на тюрьмы и их назначение, а также на тот потенциальный вклад, который осужденные могут внести в жизнь общества за пределами тюремных стен и ограждений?

Для мест лишения свободы наиболее важны, как представляется, те принципы восстановительного правосудия, которые нацелены на предупреждение рецидива посредством реинтеграции осужденных в общество и предоставление им возможности принять ответственность как за свои прошлые, так и будущие поступки. В тюрьме этот процесс может начаться уже с процедуры приема осужденного в учреждение, в рамках которой выявлялись бы не только основные сведения о личности осужденного, но также и информация о жертве (жертвах) его преступления и степени причиненного им вреда или нанесенного ущерба. Эта информация заложила бы важную основу для составления такого плана отбытия наказания, который бы позволил обеспечить то, что в период заключения каждый осужденный:

- a) принял бы ответственность за причиненный им вред или нанесенный ущерб;
- b) начал бы предпринимать какие-либо прямые или опосредованные «восстановительные шаги» на благо жертвы или общества.

Использование восстановительного подхода в ходе процедуры приема нового заключенного могло бы принести дополнительную пользу. Оно позволило бы обеспечить то, что заключенные, отбывающие короткие сроки лишения свободы (а эта группа включает в себя многих несовершеннолетних правонарушителей), не будут лишены возможности участия в основных мероприятиях только потому, что они не задержатся в исправительном учреждении надолго. Именно краткий срок назначенного им лишения свободы мешает их участию в реабилитационных программах и программах профессионального обучения, но он не должен оказаться препятствием для возмещения и заглаживания причиненного вреда. Поставленные в ходе отбытия наказания с самого начала задачи возмещения вреда, в особенности, когда речь идет о молодых правонарушителях, могут быть использованы затем в качестве ключевого компонента работы по адаптации заключенного на свободе в течение периода, пока он находится под надзором. Преступников, осужденных на короткий срок заключения и отбывающих последние недели наказания на свободе под электронным наблюдением, также

---

¹³ Liebmann Marian and Braithwaite Stephanie. *Restorative Justice in Custodial Settings* Report for the Restorative Justice Working Group in Northern Ireland, 1999.

¹⁴ Ibid., 11. Доступно в Интернете на <http://www.extern.org/restorative/Rjreport.htm#link7>

можно привлекать к выполнению обязательств по исправлению причиненного их преступлением вреда.

Предоставление осужденным возможностей для примирения с обществом или для возмещения причиненного вреда либо жертвам преступления, либо обществу стало бы основой планирования отбытия наказания и адаптации после освобождения. В тюрьме, базирующейся на восстановительных принципах, решения о характере работы, осуществляемой заключенными, принимались бы с мыслью об этих возможностях. Приоритетными стали бы задачи максимального расширения взаимодействия с местными сообществами и удовлетворения потребности в помощи и содействии, которая есть у различных местных, в том числе и добровольных, организаций и объединений.

По данным фонда «Inside Out» и других подобных добровольных и благотворительных организаций, заключенные если им дают такую возможность, с удовольствием и энергично берутся за работу по ремонту испорченных вещей или оборудования, которые иначе были бы выброшены или списаны в утиль. Не следует забывать, что осужденные порою чувствуют себя никчемными, «выбракованными» людьми. Нельзя недооценивать то, с какой активностью, высокой мотивацией и энтузиазмом они могут подойти к такого рода работе и что она может им принести.

Например, исследования фонда «Inside Out» показали, что осужденные проявляют значительный интерес к тому, как предметы, которые они отремонтировали или спасли от утилизации, используются затем на благо людей¹⁵. Это сопоставимо с данными исследования, в рамках которого проводился опрос правонарушителей, приговоренных к общественным работам. Мак-Айвор (1992) выявил, что правонарушители по-разному оценивают значимость такого приговора для них в зависимости от характера работы, выполнения которой от них требовалось. Правонарушители назвали следующие основные причины, которые позволяли им признать важность опыта общественных работ:

- a) обретение нового навыка, умения;
- b) возможность контакта с лицами, на благо которых производится эта работа (то есть возможность установления каких-либо отношений с людьми, для которых выполняется работа);
- c) возможность увидеть непосредственную пользу выполняемой работы для лица (лиц), ради которых эта работа выполняется (то есть, очевидная и социально значимая в глазах осужденного цель работы).

Все аспекты тюремной жизни

Вполне разумно было бы предположить, что, если бы осужденные в тюрьмах получили возможность осуществления подобной работы, она была бы наполнена для них столь же значимым содержанием. Положительных результатов можно было бы добиться, если бы обучение заключенных в мастерских имело четко выраженные задачи. Также необходимо определить, какие обучающие программы нужны, чтобы и заключенные, и сотрудники тюрем могли освоить такие технические навыки, которые позволили бы им всегда выполнять работу качественно.

Можно особым образом организовать образовательные программы в тюрьмах, чтобы они были связаны с той формой «восстановительной» работы, которую осуществляют заключенные. Повышение уровня осведомленности о местных сообществах и их нуждах; знакомство на местном и государственном уровне с состоянием дел в пенитенциарной системе, — все эти темы могли бы быть непосредственно увязаны с работой, осуществляемой

---

¹⁵ См.: Ежегодный отчет 1999 года траста «Inside Out». Доступно в Интернете на <http://www.inside-out.org.uk/reportfolder/reportcover.html>

заклученными, могли бы иметь для них долговременное положительное значение. Среди других возможностей – изучение экологических вопросов, включая проблемы сохранения природных ресурсов и утилизации отходов. Фактически каждому заключенному вне стен тюрьмы нужно будет выстраивать заново отношения с людьми и обществом, восстанавливать самооценку и начинать новую жизнь; поэтому особенную значимость обретает преподавание социальных навыков. В основу такого преподавания можно положить участие каждого осужденного в осуществляемой в период заключения работе по восстановлению и исправлению. Это может быть как работа, связанная с установлением отношений, так и практическая деятельность с целью возмещения причиненного вреда.

В фокусе индивидуальных планов заключенных и проводимой в тюрьмах работы в группах также могут находиться понятия восстановления и готовности осужденного принять ответственность за свои действия, примириться с другими людьми и обществом. Работа в группах может предоставлять заключенным возможности осознать и принять личную ответственность, увидеть проблемы жертв преступлений и определить способы возмещения им вреда или осуществления работы, направленной на восстановление баланса в отношениях, которым преступление может нанести ущерб.

Определенная деятельность, которая уже проводится в тюрьмах, может способствовать осуществлению возмещения вреда посредством работы, выполняемой для местных благотворительных организаций, сбора средств, а также обеспечения доступа к некоторым объектам внутри тюрьмы (например, к использованию спортивных залов и оборудования). В тюрьме, базирующейся на восстановительных принципах, где тюрьма рассматривается как составная часть общества, а не изолированный институт, старались бы расширить спектр таких возможностей. Предлагаемая восстановительная система стала бы основой для поиска добровольцев и посетителей, которые могли бы помогать в тюрьме, четко осознавая, что их деятельность вносит ценный вклад в отношения между тюрьмой, заключенными и обществом. Организации, занимающиеся общественными работами на добровольных началах, местные церковные и благотворительные объединения играли бы ключевую роль во взаимодействии между тюрьмой и местным сообществом. Важно было бы, координируя это взаимодействие, сделать его центральной частью работы внутри тюрьмы; такая работа, в свою очередь, была бы проверяема и описывалась бы в ежегодных отчетах как в рамках исправительной системы, так и вне ее.

Отстаиваемое автором всеобъемлющее распространение философии восстановительного правосудия в организации жизни заключенных и управлении тюрьмой стало бы также оказывать влияние на процедуры рассмотрения жалоб и принятия судебных решений. Такие процедуры тоже могли бы основываться на разрешении конфликтов и восстановлении гармонии, а не на установлении виновности и назначении наказания. Польза была бы несомненной, если бы подход, основанный на примирении и предоставлении возможностей для восстановления достоинства, самооценки и взаимоуважения каждой из сторон, использовался бы в таких аспектах тюремной жизни, как решение проблем, связанных с насилием, возникающих на культурной и расовой почве, а также иных внутренних разногласий.

Общая польза

Тюрьма, основанная на восстановительной системе, ежедневно ставила бы перед заключенными ряд задач и предоставляла бы им возможности для обучения. Такая тюрьма верила бы в способность заключенных выполнить эти задачи и воспользоваться этими возможностями. В задачи сотрудников всех уровней внутри исправительного учреждения и во всех департаментах исправительной системы входила бы работа с заключенными для определения той поддержки и тех навыков, которые необходимы им для осуществления

ресоциализации их подопечных, подготовки к возвращению заключенных в общество, где они чуждались бы преступности. В потенциале восстановительная система способна привести к усилению взаимопонимания, взаимообучению и сотрудничеству между осужденными, сотрудниками тюрьмы и обществом. И здесь открываются широкие возможности, которые позволят оценить значимость совместной работы и наличия долговременных позитивных установок и поступков.

ПРОГРАММЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В ТЮРЬМАХ: АНАЛИЗ И ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннели Ферштрате,
Хильде Верхувен,
Инге Вандойрцен,
Католический университет города Лёвена (Бельгия)

Восстановительное правосудие в бельгийских тюрьмах

Доклад на Международном симпозиуме по виктимологии (Монреаль, 6-11 августа, 2000)¹⁶

Введение

Данный доклад описывает пилотный проект, который реализуется уже в течение трех лет в шести тюрьмах Бельгии. Цель проекта может показаться парадоксальной: привести свободу в наиболее контролируемый социальный институт, чтобы заключенные могли принимать ответственность за свои действия и участвовать в разрешении конфликта.

Проект ориентирован на изменение ментальности осужденных и персонала тюрем. Пытаясь внести изменения в доминирующую культуру тюремного заключения, мы исходим из того, что осужденные способны на заглаживание причиненного ими вреда и разрешение совместно с другими заинтересованными лицами вопросов, связанных с последствиями преступления.

В начале данного доклада описываются происшедшие в недавнее время перемены в обществе и криминологии, которые показали необходимость такого проекта и сделали возможным его осуществление. Во второй части кратко излагаются основные характеристики проекта. Затем следует обзор различных мероприятий и действий, которые проводились в шести бельгийских тюрьмах в последние три года. В заключении мы предлагаем некоторые критические замечания, вытекающие из анализа этого трехлетнего опыта.

1. Недавние перемены в обществе, криминологической теории и практике, которые послужили толчком к началу данного проекта

Летом 1996 года бельгийская общественность была глубоко потрясена так называемым *делом Дютруа* – жуткой историей об изнасиловании и убийстве детей. Доверие к полиции и судебным органам было подорвано. Эти ужасные события вынудили правительство и политиков обратить, наконец, внимание на требования, которые неоднократно выдвигали различные организации жертв преступлений. В течение более чем десяти лет представители

¹⁶ http://www.fas.umontreal.ca/anthro/varia/PV_2001/diffusion/textes/stuvwxyz_t/Verstraete_Verhoeven_Van.pdf

групп активной самопомощи родителей убитых детей и некоторых объединений подвергавшихся избиениям женщин выступали с жесткой критикой системы уголовной юстиции. Реакция правительства выразилась в выделении, начиная с 1996 года, значительных финансовых средств для реформы полиции, судебной и тюремной систем.

В области криминологии основу для начала данного проекта заложили две важные тенденции. Значительного развития за последние два десятилетия добилась *виктимология*, позволившая выявить позицию потерпевших в отношении политики исполнения наказаний. Опросы жертв преступлений в Бельгии и других странах показывают, что именно пострадавшие оказываются в наибольшей степени неудовлетворенными работой таких государственных органов, как полиция, прокуратура и суды. Виктимологические исследования свидетельствуют о том, что потерпевшие ожидают публичной реакции на противоправное поведение, которая должна включать в себя внимательное отношение к их потребностям и адекватный ответ на их ожидания.

В некоторых исследованиях подчеркивалась важность возмещения вреда, нанесенного конкретной жертве. Но не менее важно также восстановить веру жертвы, ее окружения и общественности в хорошую работу системы уголовной юстиции.

С другой стороны, пенеологические исследования¹⁷ сделали очевидным следующий факт: те две модели, которыми пользовались пенеологи, бесплодны. Тюремное заключение в качестве карательной меры неэффективно в предупреждении рецидива. Подобным образом терпит неудачу и идея лишения свободы с целью «некарательного воздействия» и реабилитации конкретного осужденного. Что же тогда может принести результат?

Развитие виктимологических исследований и неудача традиционных способов реагирования на противоправное поведение вызвали к жизни *новые альтернативы*. За последнее десятилетие бельгийские «полевые» исследователи накопили богатый опыт успешных практических начинаний на различных уровнях уголовного процесса. Все эти эксперименты были ориентированы на возмещение вреда и разрешение конфликтов между людьми. Примерами здесь могут служить: «восстановительные» проекты для несовершеннолетних; проект осуществления компенсации материального ущерба в полицейском участке; юридически возможные «переговоры» между прокурором и обвиняемым при определении «реакции» общества на преступление; эксперименты в области медиации жертвы и правонарушителя в случаях тяжких насильственных преступлений. Результаты всех названных экспериментов были проанализированы и получили благоприятную оценку со стороны большинства потерпевших, правонарушителей, а также практиков от уголовной юстиции. Стало очевидным, что для повышения эффективности системы уголовной юстиции необходимо привлекать к разбирательству дела потерпевших и учитывать их потребности на всех стадиях уголовного процесса, включая период отбытия правонарушителем наказания.

2. Основные характеристики проекта

Исследовательская группа по пенеологии и виктимологии факультета криминологии Католического университета города Лёвена выступила перед Министерством юстиции Бельгии с предложением о проведении проекта, направленного на исследование возможностей восстановительного правосудия в связи с лишением свободы. *Министерство юстиции* одобрило предложение и выступило *финансовым спонсором проекта*. Были выбраны шесть криминологов, которых направили в три тюрьмы во Фландрии и в три тюрьмы в Валлонии.

---

¹⁷ Пенеологические исследования (от *роена* - лат.) – исследования, посвященные проблемам наказания – *Прим. научн. ред.*

Необходимое научное руководство проектом осуществляют два бельгийских университета: Католический университет города Лёвена (Фландрия) и университет города Льежа (Валлония).

Перед проектом стоит двойная *цель*: установить, каким образом можно совместить удовлетворение потребностей потерпевших с лишением преступника свободы; решить, возможно ли осуществление восстановительных мероприятий в период отбывания осужденным тюремного заключения. Наша *задача* состоит в том, чтобы *накопить опыт использования в исправительных учреждениях практики, ориентированной на потерпевших и на восстановление*.

Метод, используемый в этом проекте, – это *метод действенного исследования (action research)*. Для каждой из шести тюрем, принимающих участие в проекте, был назначен проектный специалист. В функции этих специалистов входит оценка возможностей в каждой из тюрем и постоянное взаимодействие с различными партнерами внутри исправительного учреждения. Результатом такого взаимодействия становится привлечение к участию в проекте начальников тюрем, психологов, охранников и другого персонала. А именно их участие крайне значимо, поскольку нашей целью является изменение позиций и традиционных взглядов, доминирующих внутри исправительного учреждения. Результатом использования такого метода является постепенная эволюция, темп и особенности которой зависят от контингента, организованности и культуры в каждой конкретной тюрьме.

Время реализации проекта, *начавшегося в январе 1998 года* в качестве эксперимента, рассчитанного на один год, дважды, в 1999 и 2000 годах, продлилось на двенадцать месяцев. В настоящий момент министр юстиции принял решение внедрить мероприятия в области восстановительного правосудия во всех бельгийских тюрьмах. С этой целью в каждую из тридцати тюрем страны будет назначен консультант по восстановительному правосудию, который будет подчиняться непосредственно начальнику тюрьмы.

3. Обзор различных экспериментов в области восстановительного правосудия, осуществлявшихся в течение последних трех лет в шести бельгийских тюрьмах

3.1. Различия традиционного и восстановительного подходов

Тони Ф. Маршалл¹⁸ следующим образом обозначил различия между традиционным способом реагирования на правонарушение и восстановительной моделью такого реагирования.

В традиционной юридической системе работу с последствиями преступления ведут органы уголовной юстиции. Между этими органами и правонарушителем устанавливаются вертикальные отношения. Функция системы уголовной юстиции заключается в том, чтобы наказывать за нарушение закона.

Восстановительное правосудие подчеркивает в преступном деянии его межличностный аспект. Преступление представляется результатом конфликта или ведет к конфликту между правонарушителем и жертвой. Такой конфликт наносит вред жертве и обществу. Чтобы разрешить ситуацию, наказания, налагаемого органами уголовного правосудия, недостаточно. Помимо этого мы должны дать обеим сторонам – жертве и правонарушителю – возможность обозначить свои потребности, вместе найти пути выхода из конфликта и в сложившейся ситуации определить будущие взаимоотношения. В процесс поиска решения может быть также вовлечено и общество.

3.2. Обзор различных мероприятий в области восстановительного правосудия, начатых проектными специалистами в тюрьмах

---

¹⁸ Restorative Justice: An Overview – Tony F. Marshall – March 1998

3.2.1. Деятельность, ориентированная на конкретные группы

Деятельность, направленная на утверждение ориентированной на восстановление уголовной политики, начинается с создания такой тюремной культуры, которая бы делала возможным и поощряла течение восстановительных процессов между жертвой и правонарушителем. В реализации этих действий должен быть задействован *весь персонал тюрьмы*. Много времени было посвящено информированию и обучению сотрудников тюрем. В шести тюрьмах, участвующих в проекте, были организованы занятия, знакомящие с теорией и практикой восстановительного правосудия. Кроме того, персоналу был предложен методический тренинг, на котором были представлены базовые «восстановительные» позиции. Сотрудники должны были научиться обсуждать с заключенным ответственность за преступное деяние и его последствия, не подрывая при этом его самооценку. Важным моментом стало также знакомство с позицией так называемой «многосторонней пристрастности», как она описывается и используется в контекстуальной терапии И. Божормени-Наги (I. Boszormenyi-Nagy). Такая позиция, в частности, требует от терапевта понимания правонарушителя и всей людей, которые играют для последнего какую-либо роль, как, например, его родственников, родителей, соседей, а также и потерпевшего.

Подход, используемый по отношению к *осужденным*, заключался в том, чтобы дать им возможность на самых первых этапах заключения извлечь пользу из более личностного и открытого способа рассмотрения последствий преступления. Мы оказываем им поддержку в принятии ответственности за преступление и его последствия. Это осуществляется как путем индивидуальных наставлений, так и через работу в группах.

Мы также проводим специальные тренинги, пытаясь «открыть заключенным глаза» на те психологические и эмоциональные последствия, которыми их преступления могли обернуться для потерпевших. Эта программа, нацеленная на изменение стереотипов, называется «Жертвы в центре внимания».

Чтобы подготовить *потерпевших* к принятию этого ориентированного на диалог подхода, необходимо было обеспечить их достаточным количеством информации. С этой целью был составлен информационный буклет, который должен был предложить потерпевшим и их окружению более реалистичный взгляд на положение заключенных и те возможности, которые открываются перед ними по окончании срока отбытия наказания. Столь же важно было работать над изменением позиции тех организаций и групп, которые оказывают потерпевшим различного рода поддержку. До тех пор пока эти группы способствуют антагонизму и подчеркивают полярность интересов правонарушителя и жертвы, диалог и возмещение вреда невозможны.

Чтобы познакомить *общество* с принципами восстановительного правосудия, была создана специальная игра, участвуя в которой, подростки 12 - 13 лет обучались конструктивным способам разрешения конфликтов.

3.2.2. Деятельность в поле взаимоотношений этих групп

С целью устранить существующую полярность между *службами помощи потерпевшим* и *службами помощи правонарушителям* были организованы дискуссионные группы, в работе которых наряду с представителями указанных служб принимали участие также тюремные психологи и терапевты. Участники смогли узнать о трудностях, которые возникают перед каждой из сторон, и начали налаживать мосты взаимопонимания и сотрудничества. Они рассмотрели и обсудили возможности диалога жертвы и правонарушителя во время нахождения последнего в тюрьме, а также потенциальные трудности, связанные с таким общением.

Если *жертва и правонарушитель* просили о личной встрече, приглашался опытный ведущий-медиатор. Перед началом встречи он долго готовил к ней обе стороны, знакомясь с каждой из них и анализируя различные видения ситуации. Возможно также не прямое общение сторон, которое осуществляется при помощи посредников наиболее подходящим для каждого конкретного случая образом.

Еще одной инициативой стала организация групповых встреч заключенных с потерпевшими. Люди, пострадавшие от преступлений (но не конкретные жертвы данных осужденных), рассказывали на таких встречах о том, что они пережили. Как показал последующий анализ, эти встречи сыграли большую роль в процессе исцеления жертв, а также дали возможность заключенным лучше понять, что значит быть жертвой преступления.

Как только общение наладилось, стало необходимым предоставить заключенным возможности для конструктивных шагов навстречу потерпевшим. Такими шагами могут быть извинения, материальная компенсация или желание решить собственные проблемы. С самими заключенными и с сотрудниками тюрьмы обсуждаются и разрабатываются различные способы, позволяющие выразить желание возместить причиненный вред и сделать это в конструктивном ключе.

Для того чтобы дать заключенным возможность продемонстрировать добрую волю, был создан специальный фонд, позволяющий им посредством выполнения общественных работ получить деньги для выплаты некоторой компенсации потерпевшим.

С целью создания нужного общественного мнения, а также подготовки почвы для изменения отношения местного сообщества к людям, находящимся в заключении, один проектный специалист организовал посещения тюрьмы и встречи между осужденными и местными жителями. Представители полиции, жертвы и просто заинтересовавшиеся граждане посетили эти мероприятия и почувствовали атмосферу тюремной жизни. Эти посещения, как показала их последующая оценка, сыграли важную роль для роста самоуважения заключенных и персонала тюрьмы, а также изменили отношение посетителей тюрем к людям, отбывающим там наказание.

3.2.3. Сигнальная функция

Поскольку данный пилотный проект проводится по заказу правительства, команда исследователей считает своим долгом сообщить, что некоторые правила и традиции тюремного законодательства и управления тюрьмами трудно согласовать с базовыми ценностями восстановительного правосудия. Восстановительное правосудие требует взаимного уважения, предполагая ответственность и свободу вовлеченных в конфликт сторон в решении проблемы. Эти ценности противоположны лишению свободы и ограниченной личной ответственности, которые образуют основу сегодняшней тюремной практики.

Были составлены рекомендации, призванные убедить управленцев и людей, отвечающих за принятие политических решений на различных уровнях, в необходимости разрешить структурные проблемы, препятствующие реализации новой политики, которую они решили проводить в уголовно-исполнительной системе.

4. Два важнейших замечания

Модель восстановительного правосудия *очень требовательна*. Она требует определенной политики по отношению к правонарушителям, жертвам и по отношению к восстановлению как процессу, происходящему между жертвами и правонарушителями.

Политика тюрьмы в отношении заключенных должна исходить из того, что заключенные - это люди, которые несут полную ответственность за свои поступки и жизнь. Тем из них, кто

еще не готов принять на себя ответственность, в период их заключения должны быть предоставлены все возможности, позволяющие решить их основные проблемы. Тюремные должны обеспечивать осужденных юридической информацией, профессиональным обучением, терапевтическим лечением и услугами медиации.

Возможности интеграции восстановительного правосудия в тюремную систему очевидны. Однако такая интеграция должна стать *завершающим штрихом во внедрении политики восстановительного правосудия во всю систему уголовной юстиции*. Едва ли не большее количество энергии необходимо направлять на использование восстановительных подходов на уровне полицейского участка, на стадии расследования, на стадии судебного разбирательства. На каждом указанном этапе деятельности должны становиться нормами: ориентация на нужды потерпевших; поиск возможностей для медиации, возмещения вреда, организации общественных работ, а равно для иных альтернативных форм реакции на противоправное поведение.

Надя Биерманс

Восстановительное правосудие в бельгийских тюрьмах

Доклад на Международном круглом столе по повышению качества деятельности исправительных учреждений (Амстердам, 13-15 мая, 2001)

В этом докладе мы осветим два аспекта: во-первых, будет прокомментировано решение министра юстиции изменить связанную с местами лишения свободы политику, взяв за основу концепцию восстановительного правосудия и идею найма консультанта в этой области для работы в каждой из тюрем; во-вторых, мы рассмотрим практику, ставшую результатом нескольких месяцев работы этих консультантов. Работа была начата недавно, и в связи с этим практические результаты носят пока еще ограниченный характер.

Эволюция политики, приведшая к решению «наполнить тюрьмы восстановительным содержанием»

Вот уже в течение нескольких лет в кабинетах Министерства юстиции мы слышим слово «herstel» (что значит «исправление», «возмещение»). В некоторых документах и речах министра и его сотрудников возникает сочетание «восстановительное правосудие».

Развитие восстановительного правосудия во всем мире и работа, проводимая в Католическом Университете города Лёвена, ускорили становление восстановительного правосудия в Бельгии. Катализаторами данного процесса стали также и некоторые события внутри страны, например, возникшее в августе 1996 дело Дютруа, оказавшее колоссальное давление на министра юстиции и его политику.

19 июня 1996 года в «заявлении о политике в области наказаний» министр юстиции впервые на тот момент связал основную задачу исправительных учреждений (реализация безопасных и гуманных корректирующих мер, направленных на социальную реинтеграцию осужденного) с понятием восстановительного правосудия. Успех социальной реинтеграции был некоторым образом поставлен в зависимость от признания проблем и потребностей потерпевших и/или от желания правонарушителя осуществить восстановительные действия.

В 1997 году профессор Дюпон из Католического Университета города Лёвена разработал первоначальный вариант проекта, связанного с совершенствованием работы исправительных учреждений. Одна из главных задач этого проекта заключалась в том, чтобы уменьшить вред,

который влечет за собой тюремное заключение, и создать тем самым условия для реализации иных целей, таких, как возмещение материального и нематериального ущерба, причиненного преступлением, и подготовка будущей реинтеграции заключенного в общество.

В 1997 году министр юстиции потребовал изучения нелегкого вопроса, связанного с возможностями применения концепции восстановительного правосудия в местах лишения свободы.

Правительство Бельгии дало указание на проведение эксперимента в шести бельгийских тюрьмах. Партнерами в эксперименте стали университеты городов Лёвена и Льежа. Шестеро исследователей были направлены в тюрьмы с тем, чтобы осуществить инициативы, ориентирующие лишение свободы в направлении жертвы и/или восстановления. Цель проекта была довольно парадоксальной: привнести свободу в наиболее контролируемый социальный институт и добиться, чтобы заключенные принимали ответственность за свои действия и участвовали в разрешении ситуации конфликта. Основное внимание в проекте уделялось двум аспектам:

- ситуации конфликта между жертвой и правонарушителем и роли каждой из сторон в ее разрешении;
- изменениям в тюремной культуре и менталитете заключенных.

В октябре 1999 года министр юстиции высказал мнение о необходимости внедрения восстановительных практик во всех тюрьмах страны. С этой целью в июне 2000 года Совет Министров принял решение о найме 30 консультантов в области реабилитации или возмещения, которые могли бы ввести понятия и практику восстановительного правосудия в тюрьмах.

В директиве министерства юстиции содержится описание сути проекта, задач, стоящих перед консультантами, координатором проекта и координационным комитетом. Модель возмещения основана на необходимости восстановить нарушенные преступлением отношения между жертвой, правонарушителем и сообществом. Ее целью является возрождение традиции разрешения конфликтов, базирующейся на общении и диалоге вовлеченных сторон, а также учете их ожиданий. Эта модель применительно к тюремному контексту включает в себя идею восстановительного правосудия, обозначенную выше, требуя при этом, однако, ее более глубокого рассмотрения с учетом особенностей обстановки, в которой она используется. Согласно этой модели, лишение свободы должно давать осужденному возможность подготовиться к принятию ответственности за свои действия и возложению на себя обязательств по отношению к себе самому, жертвам и обществу, по возможности (хотя вовсе не обязательно) предпринимая шаги навстречу жертве своего правонарушения. Необходимо пытаться избавить заключенного от привычной ему пассивной роли.

Около шести месяцев назад, в октябре - ноябре 2000 года, большая часть консультантов приступили к выполнению своих обязанностей. В каждой тюрьме работает по одному консультанту. Во Фландрии 16 консультантов на 17 тюрем, а в Валлонии - 14 на 15 тюрем. Это означает, что два консультанта работают в двух тюрьмах одновременно.

Задача консультанта – внедрить подходы восстановительного правосудия в той тюрьме, к которой он прикреплен. Основная цель состоит в том, чтобы создать культуру взаимного уважения и способствовать проявлению последовательной тюремной политики, базирующейся на восстановительном правосудии. В этом смысле, консультант выступает в роли советника начальника тюрьмы.

С целью создания в рамках тюрьмы культуры взаимного уважения, как указывает министр юстиции, консультант должен предпринимать следующие шаги:

1) Содействовать созданию совещательных и консультационных структур различных служб в рамках тюрьмы

Выполнение этой задачи включает в себя составление списка существующих консультативных мероприятий, различных категорий персонала и имеющихся служб в рамках тюрьмы. В течение первых месяцев работы консультант принимает участие в различных собраниях и консультациях сотрудников в качестве наблюдателя. На основе составленного им плана он создает необходимые консультационные структуры и обеспечивает продолжение работы уже существующих групп.

Консультант отвечает также за доработку и оценку проектов и мероприятий, планируемых в рамках существующих структур.

Важно отметить, что исправительные учреждения и соответствующая политика находятся в ведении федерального правительства Бельгии. Службы содействия и помощи различным категориям граждан подведомственны каждой из трех Общин. Это означает, что с осужденными в тюрьме работает «внешняя» организация, работу которой оплачивает каждая конкретная Община;

2) Обучать сотрудников тюрьмы практикам восстановительного правосудия

Консультант учитывает ожидания и потребности персонала тюрьмы, связанные с получением информации о восстановительном правосудии и обучением. В сотрудничестве с администрацией исправительного учреждения он организует ознакомительные собрания и создает дискуссионные группы. Он предоставляет информацию о восстановительном правосудии всем заинтересованным лицам.

В соответствии с распоряжением министра, осуществление второй задачи, стоящей перед консультантом, – создание возможностей для прямого и/или опосредованного общения между правонарушителем и жертвами, – требует от него следующих шагов:

а) Установить консультационные контакты между внутритюремными и внешними службами

Особое внимание в этом отношении уделяется внешним службам, занимающимся оказанием поддержки и содействия потерпевшим и осужденным, а также «Домам правосудия»¹⁹, службам примирения и организациям, предоставляющим юридические консультации правонарушителям. Консультант предпринимает шаги для установления и поддержания контактов с вышеозначенными службами, способствует их знакомству с идеей восстановительного правосудия и ориентирует на возможное сотрудничество. Кроме этого, он обеспечивает доступ к информации о существовании таких «внешних» служб, а также способствует контактам между внешними и внутритюремными службами.

б) Информировать осужденных относительно вопросов восстановительного правосудия и проблем жертв преступлений

В сотрудничестве с существующими вне тюрьмы службами консультант организует ознакомительные и информационные занятия, рабочие группы и т.п. с целью знакомства осужденных с понятием восстановительного правосудия и идеей их личной ответственности.

в) Повышать уровень знаний потерпевших и общественности о лишении свободы и восстановительном правосудии

Консультант использует имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы обеспечить более широкое знакомство потерпевших и общественности в целом с жизнью заключенных и моделью восстановительного правосудия. Он направляет в соответствующие службы потерпевших, имеющих вопросы о тюрьме или их осужденном обидчике, а также сотрудников тюрьмы, которые полагают, что пострадали от определенного поведения заключенных.

---

¹⁹ «Дом правосудия» (Justitiehuis) – новая структура в Бельгии, оказывающая всем гражданам социально-юридические услуги, связанные с правосудием, а также место (неведомственное здание) расположения и деятельности социальных работников, осуществляющих пробационный надзор за правонарушителями и работающих на местном уровне вне тюрем. – *Прим. перев.*

При описании задачи, обозначенной в директиве министра, стоит упомянуть тот факт, что консультант является штатным сотрудником исправительного учреждения и в этом качестве он:

- инициирует мероприятия в области восстановительного правосудия и популяризирует соответствующую практику среди осужденных и персонала;
- взаимодействуя с другими партнерами, играет активную роль в координировании и расширении проектов;
- поддерживает контакты с разного рода организациями (такими, как организации содействия жертвам преступлений, организации, занимающиеся правонарушителями, «дома правосудия» и т.п.) с целью обеспечения и усовершенствования взаимодействия между внутритюремными и внешними службами.

Кроме того, он занимается активным привлечением партнеров, участие которых необходимо для достижения нашей цели. Он также налаживает отношения и контакты с персоналом (в самом широком смысле этого слова) тюрьмы, осужденными, потерпевшими и обществом.

На организационном уровне консультант является одним из сотрудников тюрьмы, непосредственно подчиняющимся ее начальнику. С целью обеспечения согласованности действий различных консультантов и для поддержки их работы были назначены два координатора: один для Фландрии, а другой – для франкоязычной части Бельгии. Координатор принимает участие в постоянно осуществляемой оценке проекта и обеспечивает консультантов научной поддержкой. Он устраивает регулярные (ежемесячные) собрания консультантов и организовывает занятия-тренинги.

Непосредственным начальником координатора является региональный директор (по одному в каждом лингвистическом регионе).

На федеральном уровне существует координационный комитет, который занимается оценкой проекта и вопросами его соответствия действующей министерской директиве. В состав Комитета, собрания которого проходят два раза в год, входят Генеральный директор главного директората тюремных служб, главный советник по исполнению наказаний, региональные директора, два начальника тюрем, представители социальных служб трех бельгийских общин, два координатора и представители университетов, направляющих ход научных исследований в данной области.

На настоящий момент к работе приступили 28 из 30 консультантов. Мы надеемся, что оставшиеся два приступят к своим обязанностям в ближайшие несколько недель.

Работу начала группа осознающих свою миссию людей, уже знакомящихся с обстановкой в тюрьмах и в иных организациях, сотрудничать с которыми им предстоит. Для того чтобы заявить о себе, каждый из консультантов составил документ, в котором излагается суть и задачи его работы. Некоторые консультанты обратились к сотрудникам своих тюрем с просьбой ответить на небольшое количество вопросов, что позволило бы выяснить их мнение о восстановительном правосудии и отношении к возможному появлению потерпевших в тюремных стенах. Многие сотрудники, как показывают эти опросы, думают, что восстановительное правосудие не сможет действовать в рамках тюрьмы и что невозможно подтолкнуть осужденных к принятию ответственности за свои поступки. К сожалению, иных результатов мы и не ожидали. Однако полученные результаты указывают и на то, что есть также и значительная часть сотрудников, реакция которых на восстановительное правосудие положительна. Именно с этими людьми мы можем начать сотрудничать. Необходимо, чтобы наши инициативы с самого начала имели хоть какой-то успех, который мог бы доказать пессимистам возможность восстановительных действий в рамках тюрьмы.

Некоторые консультанты уже начали осуществление своих проектов. Они готовят «информационные пакеты» для осужденных и персонала тюрем, организуют для желающих

сотрудников рабочие группы по вопросам восстановительного правосудия и внедрения этой концепции в их учреждении. Консультанты проводят ознакомительные собрания по темам восстановительного правосудия и роли консультанта. Они не просто знакомят участников с новой теорией, но, скорее, пытаются отвечать на возникающие запросы. Нужно отметить, что во многих тюрьмах уже предпринимались реальные действия, которые можно назвать шагами «в направлении построения восстановительной системы». Это, например, инициативы по работе с заключенными, ориентированные на их позитивную реинтеграцию в общество, а также эксперименты в области медиации.

Некоторые общие замечания после нескольких месяцев работы

- Информация о консультантах

Все они являются обладателями университетской степени, большинство – в области криминологии. Они, по большей части, имеют весьма незначительный опыт работы в тюрьме или вовсе не имеют такового. В этом их преимущество: свежий и зачастую даже наивный взгляд «человека со стороны» дает им возможность поднимать такие вопросы, которыми человек, знакомый с этой системой изнутри, уже, вероятнее всего, не задается.

Структурные проблемы (такие, как переполненность тюрем и нехватка персонала, отсутствие инфраструктуры) не смогут помешать консультанту предпринимать (пусть незначительные) попытки, направленные на переориентацию системы исполнения наказаний в сторону потерпевших и восстановления, а также на развитие восстановительной системы в рамках структурных ограничений, задаваемых тюрьмой.

С другой стороны, человеку извне требуется время для того, чтобы узнать сложное устройство тюрьмы, мнение и позиции сотрудников и т.п. В связи с этим их работа не всегда бывает легкой. Людям свойственно ожидать мгновенных результатов. Однако мы нацелены на процесс, осуществление которого требует времени.

Если мы хотим, чтобы эта философия заинтересовала каждого сотрудника тюрьмы (а именно это мы считаем необходимым условием создания благоприятного климата для восстановительных инициатив), нам нужно время для общения, совместной работы, дискуссий. Во многих тюрьмах атмосфера часто бывает атмосферой исполнения указаний, а не общения.

- В каждой тюрьме, независимо от ее размера, работает один консультант

В одних тюрьмах содержится более 700 заключенных, в других – только около 35. В каждой из них только один консультант. Причина этого в том, что задача консультанта – действовать на структурном уровне, а не работать с индивидуальными досье. Не стоит и говорить, однако, что и положение консультанта в тюрьме и продуктивность его работы, а также число партнеров и контактов, которые он будет иметь, в значительной степени зависят от размера тюрьмы. В будущем станет рассматриваться вопрос о необходимости увеличения числа консультантов, в особенности, в больших тюрьмах.

- Переориентация политики тюрьмы на восстановительный лад – это, безусловно, не только создание условий для медиации.

Можно сказать, что диалог между жертвой и правонарушителем представляет собой идеальную ситуацию, однако мы полагаем, что такой диалог возможен и желателен только для незначительного числа осужденных. Помимо прямого или опосредованного общения сторон, задетых преступлением, существует также широкий спектр иных возможностей, которые позволяют нам проводить работу в области возмещения с сотрудниками и осужденными. Мы можем проводить небольшие или крупные организационные перемены с целью предоставить сотрудникам и осужденным возможность обсуждать преступление и его последствия, а также, что более важно, с целью изменить их ментальность и сделать их восприимчивыми к восстановительному правосудию и потребностям жертв и правонарушителей.

Важно признать, что тюрьмы, по большей части, ориентированы на безопасность. Восстановительное Правосудие в чистом виде требует открытости и несет в себе веру в то, что правонарушители способны предпринять конструктивные шаги навстречу своим жертвам и обществу. Многие убеждены, что два эти аспекта не сочетаются друг с другом. Для нас важно найти способ объединить обе эти задачи.

Уважать чувства и потребности каждой из сторон – значит не делать восстановление обязанностью. Участие в этих инициативах и осужденных, и потерпевших должно быть добровольным.

С другой стороны, мы замечаем, что отношение осужденного к его жертве учитывается на различных уровнях (начальником тюрьмы или администрацией на более высоком уровне) при, например, принятии решения об освобождении. Каким образом мы можем избежать таких ситуаций, когда осужденные принимают участие в мероприятиях только потому, что их «подталкивает» к этому перспектива получения личной выгоды? Как мы можем предотвратить ситуации, в которых жертвы снова будут «использоваться»? Такая практика неизбежно может привести к поляризации конфликта, а не к его разрешению.

Вышесказанное означает, что наличие в тюрьме консультанта по восстановительному правосудию служит необходимым, но не достаточным условием для переориентации практики лишения свободы на восстановительный лад. Такая переориентация – длительный процесс, в рамках которого консультант предпринимает множество различных шагов. В конце концов, стоящие перед ним задачи должны распространиться на более широкие области как внутри тюрьмы, так и вне ее, и здесь первостепенную важность обретает сотрудничество «внутренних» и «внешних» партнеров.

Необходимо различать попытку внедрить восстановительное правосудие в тюрьмы и работу в области восстановительного правосудия вообще. Мы считаем, что для того, чтобы, в конце концов, иметь успех, мы должны провести еще весьма значительную работу на других стадиях уголовного процесса, начиная с самого момента совершения преступления. Именно с этого момента следует пытаться предотвращать причинение большего вреда и возмещать тот вред, который уже был причинен. Если правонарушитель не чувствует человеческого отношения к себе со стороны полиции, суда и других органов, едва ли мы можем пытаться вызвать в нем сочувствие к жертве своего преступления. Если жертва никогда не ощущала поддержки со стороны юридической системы, если ее потребности как потерпевшей стороны не были признаны, вполне возможно, что она не сможет воспринять желание уже осужденного человека возместить причиненный вред. Ведь может быть уже слишком поздно.

Расс Иммариджеон

Программы примирения жертвы и правонарушителя в тюрьме²⁰

Сейчас, через двадцать лет после того как состоялась первая примирительная встреча жертвы и правонарушителя, такие встречи все чаще и чаще проводятся в тюрьмах. В этой главе описываются пять программ примирения жертвы и правонарушителя, действующих в Канаде, Великобритании и Соединенных Штатах. Цели этих программ несколько отличаются от целей программ медиации жертвы и правонарушителя, проводимых вне тюрем: в них

---

²⁰ Russ Immarigeon *Prison-based Victim-Offender Reconciliation Programs*// J. Hudson and B. Galaway (eds.) *Restorative Justice: International Perspectives*. Monsey, NY: Criminal Justice Press.

акцент делается, скорее, на обмене информацией и исцелении, а не на возмещении. По некоторым аспектам (длительность процесса, стоящие перед ним задачи, его инициаторы и организаторы) такие программы отличаются и друг от друга. В этой главе обозначаются организационные вопросы, а также проводится обзор существующих исследований в данной области. Выдвигается несколько рекомендаций, которые могли бы способствовать дальнейшему использованию встреч жертвы и правонарушителя в рамках тюрьмы.

Двадцать с небольшим лет назад первая примирительная встреча жертвы и правонарушителя состоялась в городе Китченер канадской провинции Онтарио (Reachey, 1989). Несколько лет спустя примирительная встреча была проведена в Элксхарт, штат Индиана (Umbreit, 1985). Впоследствии концепция примирения жертвы и правонарушителя обрела широкое распространение и была принята во всем мире. В США и Канаде количество программ увеличилось с 32 в 1985 году до приблизительно 115 в 1993 (Immarigeon, 1994). Программы примирения жертвы и правонарушителя (VORP) сейчас имеют под собой различную философскую основу и обретают все более широкую поддержку. Многие полагали, что Программы примирения (далее – ПП) должны проводиться главным образом группами, имеющими отношение к религии (Immarigeon, 1994), однако официальные государственные органы, включая суды и службу пробации, начали пропагандировать эти программы и внедрять их. Некоторые рассматривали программу примирения как программу, ориентированную на правонарушителя и по существу использующую жертв в целях, не всегда совпадающих с их интересами. Но различные объединения жертв преступлений постепенно стали проявлять к программе примирения все больший интерес, отчасти в связи с осознанием того, что она служит потребностям жертвы в той же степени, что и потребностям правонарушителя. Наконец, существуют также разногласия в отношении философской или теоретической базы, лежащей в основе ПП. Одни указывают на то, что в данной форме восстановительного правосудия имеется место для наказания, тогда как другие выступают за некарательную природу восстановительного правосудия, делая акцент на исцелении, реабилитации или углублении понимания отношений между жертвами и правонарушителями. Примирение жертвы и правонарушителя проводилось и проводится в местах заключения. В данной работе будет дано определение программ примирения в тюрьме, кратко описаны пять таких программ, а также рассмотрены вопросы, связанные с их организацией и проведением.

ПРИМИРЕНИЕ ЖЕРТВЫ И ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ В ТЮРЬМЕ

Под примирительными встречами жертвы и правонарушителя в тюрьме мы подразумеваем добровольные встречи жертв и правонарушителей, которые проводятся в местах отбывания наказания. Формат примирения жертвы и правонарушителя включает в себя встречи «лицом к лицу», проводимые специально подготовленным добровольцем, не имеющим отношения к тюремной системе. Основной целью таких встреч становится принятие ответственности и исцеление. Встречи в тюрьме, как и программы примирения, проводимые в обычной обстановке, направлены на создание конструктивной связи между жертвами и правонарушителями. Коренное отличие между встречами жертвы и правонарушителя «на свободе» и в тюрьме заключается в том, что последние, в общем, не нацелены на достижение соглашения о возмещении или общественных работах. В центр внимания, скорее, помещаются аспекты, связанные с реабилитацией участников конфликта. Такие выгоды для заключенного, как возможность досрочного или условного освобождения, со всей открытостью исключаются с самого начала. ПП в тюрьме часто включают в себя более широкое и подробное освещение вопросов, связанных с жертвами преступлений. Например, нередко бывает, что организаторы этих программ до непосредственной примирительной встречи проводят с заключенными

консультации по вопросам воздействия преступлений на потерпевших. Потерпевших часто просят открыто рассказать об опыте виктимизации.

Эти программы можно разделить на категории в соответствии с несколькими их аспектами. Привлекаются ли в программу «суррогатные» или реальные жертвы тех правонарушителей, которые принимают в ней участие? По большей части, используются «суррогатные» жертвы, однако распространенным является и участие реальных потерпевших. Какой цели служат программы? Основаны ли они на философии восстановительного правосудия? Носят ли они некарательный характер? Состоит ли основное назначение программы в достижении результата исцеления или способности создать личную связь между жертвами и правонарушителями, либо она ориентирована на иные цели, такие как знакомство заключенных с последствиями преступления для потерпевших («понимание жертв») или развитие чувства личной ответственности для совершенствования трудовых навыков? Существует тенденция к объединению в ПП, проводимых в тюрьмах, нескольких функций. Модель примирительной встречи в самом чистом виде – это встреча, организованная для жертвы и правонарушителя, связанных одним преступным действием, в тюрьме, где правонарушитель отбывает наказание. Несколько таких встреч было проведено в штате Нью-Йорк. Каждая из них имела своей целью удовлетворение потребностей, обозначенных конкретной жертвой и конкретным правонарушителем. Ни одна из этих встреч не была направлена на достижение иных результатов: ни на исследование возможностей восстановительного правосудия, ни на усовершенствование системы уголовной юстиции, ни даже на попытку помочь правонарушителю принять ответственность. Эти встречи были организованы по инициативе потерпевших и проводились с целью удовлетворить их желание и потребность встретиться с человеком, совершившим преступление, узнать больше о том, что сопутствовало преступлению, и поставить точку в событии, которое ноющей болью преследовало их в течение многих лет.

Не проводилось опросов, которые бы оценивали, поддерживают или нет жертвы идею встречи с человеком (людьми), совершившим(совершившими) против них преступление. Отдельные книги были посвящены описанию жертв, которые встречались с убийцами их родственников, чтобы заявить о своем прощении (Jaegger, 1983; Swift, 1994). Осуществлялись опросы заключенных, продемонстрировавшие, что концепция примирения жертвы и правонарушителя пользуется значительной поддержкой. В штате Нью-Йорк заключенный, выполняя программу на степень магистра, провел опрос 180 преступников, отбывающих наказание в тюрьме строгого режима за совершение преступления против конкретного человека (Bitel, 1991). Более половины опрошенных проявили интерес к возможности встретиться либо с реальной жертвой (жертвами) своего преступления (преступлений), либо с «суррогатной» жертвой.

Тридцать два процента преступников (проявивших желание встретиться с потерпевшими) заявили, что самое главное, что дала бы им встреча с жертвами, – это «их собственный душевный покой» или «получение прощения»; 28% сказали, что она помогла бы жертвам увидеть происшедшее с «их стороны»; 12% сказали, что использовали бы шанс извиниться перед жертвой; 6% высказали идею о том, что медиация помогла бы им сломать стереотипы преступников, которые есть у потерпевших; 5% заявили, что она дала бы им возможность лучше понять жертв преступлений и процесс виктимизации; 3% полагали, что встреча повысит их шансы на досрочное освобождение перед комиссией по условно-досрочному освобождению. Пять процентов осужденных сказали, что не знают, что могла бы дать им медиация, а 7% были убеждены, что ничего не могли бы извлечь из встречи со своими жертвами (Bitel, 1991).

Сотрудники Программы примирения жертвы и правонарушителя в городе Грейтфорд, штат Пенсильвания, провели опрос заключенных, нацеленный на выяснение их отношения к жертвам преступлений, мотивов для участия в программе и ожиданий от нее. «Приводилось

разнообразное множество причин совершения преступлений, и они не отражают тенденции к отрицанию преступником личной ответственности за содеянное. Причины для участия в ПП и индивидуальные цели участников носили конструктивный характер, соответствовали концепциям ПП и свидетельствовали о наличии начальных угрызений совести и стремления выразить свое искреннее участие к жертвам. Никто не относился к своему участию в программе с легкомыслием» (Hall, 1993).

И наконец, в ходе реализации программы Peace Studies/ATV, осуществляемой в Исправительном центре города Крейгсвилл, штат Вирджиния, среди членов правления организации и заключенных, посещающих в рамках программы основные занятия, распространялась анкета с вопросами, касающимися жертв и правонарушителей. Общее число респондентов не известно, но можно назвать следующие результаты опроса. Шестьдесят процентов опрошенных полагают, что система уголовной юстиции не заставила их почувствовать ответственность за содеянное. Мужчины в подавляющем большинстве считают, что важно рассказать жертвам и их родственникам, почему они совершили преступление; 90% полагают, что примирительные встречи помогут им самим; 98% – что они помогут потерпевшим; 70% думают, что участие в такой встрече будет более тяжелым для жертв; 20% – тяжелее для правонарушителей. Для 95% в значительной мере не безразлично, что жертвы думают о них; 30% полагают, что обеспокоенность судьбой потерпевших и их родственников является наиболее важным моментом, которого не достает системе уголовной юстиции; 30% считают таким моментом помощь правонарушителям; 25% заявили, что система не обеспечивает того, чтобы правонарушитель исправлял содеянное; а 15% считают, что потерпевшие слишком редко получают компенсацию за свою боль, страдания и потери (personal communication from Michael Self, 1995).

ПРОГРАММЫ

Программы примирения в тюрьмах возникли как результат инициатив и усилий отдельных людей. В Канаде программа «Лицом к лицу» была организована в рамках нескольких административных округов, но это единственная модель программы, которая была воспроизведена в том же виде в разных местах. Программы в Великобритании и США появились на основе усилий либо заинтересованных людей, либо организаций. Нередки и такие случаи, когда программы функционируют, имея лишь незначительную информацию о других практиках ПП и их опыте, а также без тесных контактов с ними. Наше исследование выявило девять программ, предлагающих или предлагавших услуги по примирению жертвы и правонарушителя: Проект «Восстановительное правосудие» в Мэдисоне, штат Висконсин, США; «Правосудие Джинси» в Батавии, штат Нью-Йорк, США; Семинар жертв и правонарушителей в Оссининге, штат Нью-Йорк, США; «Жертвы и правонарушители в примирении» в Рочестере, графство Кент, Великобритания; Группа примирения жертвы и правонарушителя в Вэйковилле, штат Калифорния, США; «Лицом к лицу» в Ньюфаундленде и Саскачеване, Канада; Программа примирения жертвы и правонарушителя в Грейтфорде, штат Пенсильвания, США; Программа медиации для освобождающихся из пенитенциарных учреждений в Кембридже, провинция Онтарио, Канада; и пилотный проект «Медиация жертвы и правонарушителя» в Лэнгли, Британская Колумбия, Канада (Immarigeon, 1994). Среди инициаторов и организаторов этих программ - организации уголовной защиты, персонал тюрем (в том числе сотрудники тюрьмы графства), группы защиты прав жертв преступлений, реформаторские объединения и сами осужденные. В рамках некоторых программ устраиваются встречи между правонарушителями и их реальными жертвами, в других используются «суррогатные» жертвы. Программы также различаются в зависимости от того, проводят ли они тренинг о воздействии преступления на потерпевших и/или тренинг по навыкам

трудоустройства. В этой главе будут описаны программы, действующие в Рочестере, Мэдисоне, Батавии, Грейтфорде и Лэнгли. Две из них устраивают встречи с правонарушителями и их реальными жертвами, в остальных участвуют суррогатные жертвы. В 1981 году Дуг Колл, бывший студент богословия и окружной прокурор Департамента социальных служб графства Джинси, был избран шерифом графства. Он дал обещание решить проблему переполненности местной тюрьмы не путем сооружения новых камер, но предлагая общественные альтернативы наказанию. Колл и его сотрудники работали в тесном контакте с местными судьями, прокурорами, сотрудниками службы пробации и адвокатами, чтобы организовать общественные работы для правонарушителей, интенсивный надзор над ними без пребывания в тюрьме, возмещение причиненного вреда и иные услуги для потерпевших. Персонал тюрьмы графства Джинси развил эти инициативы, включив в них также примирение жертвы и правонарушителя, заявления жертв о воздействии преступления на их жизнь, а также собрания жертв на этапах судопроизводства, предшествующих вынесению приговора. Типичным случаем для программы «Правосудие Джинси» можно считать историю женщины, четырехлетний сын которой был изнасилован ее дальним родственником. Во время судебного процесса она получала поддержку со стороны Программы помощи жертвам преступлений, сотрудники которой стремились удовлетворять ее потребности по мере того, как она их осознавала. После суда было организовано несколько примирительных встреч. «Эти встречи, – говорит она, – были единственным контактом между моим мужем, мной и преступником. Хотя в нашем случае эмоциональные трудности разрешены не были, такой контакт был необходим для установления лучшего взаимопонимания между сторонами». Относительно небольшое количество примирительных встреч в рамках «Правосудия Джинси» проводится в местной тюрьме. Больше того, эти встречи часто ведут к тому, что человек вообще не оказывается в тюрьме, и их результаты зачастую сказываются также на сокращении срока тюремного заключения. Программа в Джинси не устраняется от необходимости разрешать последствия, связанные с тяжкими и насильственными преступлениями. Не меньшим значением обладает и та высокая степень поддержки, которую программа приобрела у широкой коалиции, которая включает в себя суд, правоохранительные органы и другие органы уголовной юстиции и социальных служб. Сотрудники программы утверждают, что быть ведущим на встречах по случаям ненасильственных и насильственных преступлений не столь разные вещи, как можно предполагать: главный вопрос – это раскаяние в содеянном зле.

Преподобный Питер Тэйлор был капелланом в Центре заключения молодых правонарушителей в городе Рочестер английского графства Кент – закрытом учреждении для пребывания приблизительно 350 молодых людей в возрасте от 16 лет до 21 года. Он постоянно слышал один и тот же вопрос: «То, что вы делаете, – это хорошо для преступников, но как же потерпевшие?» В марте 1983 года Тэйлор обратился к сотрудникам местного Проекта поддержки жертв преступлений с письмом, в котором спрашивал об их желании участвовать в программе, которая проходила бы на территории его Центра и сводила бы вместе воров-взломщиков и жертв краж со взломом. По его мнению, целью такой программы должно было стать оказание помощи обеим сторонам в том, чтобы понять друг друга и увидеть друг в друге людей. Он заручился одобрением тюремных властей на запуск пилотной программы «Диалог жертв и правонарушителей», которая состояла бы из трех встреч одной группы участников. В апреле - мае 1983 года Тэйлор провел обсуждение с заинтересованными сторонами, пришедшими к согласию по поводу присутствия представителей полиции и ведущих, а также в отношении того, что видеозапись вестись не будет и что к участию будут допускаться только правонарушители, совершившие кражу, кражу со взломом или мошенничество. В первой встрече приняли участие четыре правонарушителя, такое же количество «суррогатных» жертв, два добровольца из Проекта поддержки жертв преступлений, ведущий и тюремный психолог,

который должен был оценить результаты программы. Жертв и правонарушителей попросили по очереди поделиться своими мыслями и чувствами. Среди обсуждавшихся тем были: соотношение кражи со взломом и насилия; моральные принципы, которых придерживаются преступники; предотвращение подобных краж; мотивы, руководившие преступником; вопросы предотвращения преступлений и восприятия жертв преступниками. Правонарушители, скорее, приводили причины, стоявшие за их преступлениями, нежели выражали сожаление о содеянном. Жертвы начали видеть в этих молодых людях нечто большее, чем просто их преступное поведение. На второй встрече, которая, как и первая, проходила в часовне, обсуждался вопрос о том, следует ли владельцам собственности иметь оружие для защиты (все стороны были согласны, что не следует). Затем была проведена ролевая игра, в которой жертвы и правонарушители договорились о составлении соглашения о возмещении и рекомендаций для суда. Заключительное собрание вылилось для жертв и правонарушителей в возможность более непринужденно выразить свою точку зрения и определить свои позиции. И те, и другие говорили об ощущении, что в зале суда они не имели права голоса. Судебные распоряжения об общественных работах они рассматривали как обезличенные, фактически ни к чему не приводящие.

В январе 1984 года была собрана новая группа из шести жертв и шести правонарушителей для проведения трех встреч, по одной в месяц. На встречах, которые фиксировались на видеопленку, присутствовали представители полиции и Проекта поддержки жертв преступлений. «В упражнениях на основе ролевых игр, – пишет тюремный психолог Лоней, – жертвам и правонарушителям предлагается краткое описание гипотетического случая кражи со взломом с некоторой информацией о жертве и взломщике. Затем в форме ролевой игры им предлагают представить ситуацию примирительной встречи, проходящей перед вынесением приговора. Один из организаторов исполняет роль ведущего. В первом случае жертве предлагают играть роль жертвы, а правонарушителю – правонарушителя. Участникам, обладающим навыками ролевых игр, предоставляется также возможность обменяться ролями и почувствовать, каково это быть на месте другого человека». Эти гипотетические упражнения выявили целый спектр позиций участников в отношении медиации и возмещения вреда. «Некоторые жертвы были довольны заключением с обидчиком чисто финансового соглашения, – указывает Лоней, – тогда как другие требовали убедительного выражения сожаления и/или какой-либо гарантии того, что правонарушитель больше не будет совершать противозаконных действий» (Launay, 1987).

Проект «Восстановительное правосудие» в Мэдисоне, штат Висконсин, начался в феврале 1984 года, после того как Дейв Кук, координатор проекта, услышал на конференции в Чикаго об идее примирения жертвы и правонарушителя. Кук поговорил со своим супервизором, который дал согласие на проведение работы с несколькими случаями. Сотрудники ПП организовали и провели примирительную встречу, оказали содействие в составлении договоров о возмещении между жертвой и правонарушителем и подготовили отчет о примирительной встрече для администрации исправительного учреждения и комиссии по условно-досрочному освобождению. Сотрудники программы также проследили за выполнением договоров между жертвой и правонарушителем и были готовы в случае возникновения проблем провести последующие примирительные встречи. Со временем соглашения о возмещении вреда во многом утратили свою важность, и встречи жертвы и правонарушителя стали больше сосредотачиваться вокруг примирения, улаживания отношений и необходимости преодолеть чувства, порождаемые преступлением в каждой из сторон. Изначально программа была разработана таким образом, чтобы служить альтернативой тюремному заключению. Соглашения между жертвами и правонарушителями позволяли последним использовать свое участие в программе как довод в пользу досрочного освобождения. После того как в одном из

случаев на раннем этапе работы не удалось добиться для заключенного досрочного освобождения, программа стала ориентироваться, главным образом, на принесение извинений и прощение. За период с 1985 до 1989 года количество медиаторов, занятых в этом проекте, возросло с 3 до 24 человек. Все случаи, по которым проводилась работа, касаются совершеннолетних преступников, имеющих за спиной кражи со взломом и физические нападения. Через программу проходит приблизительно 25 случаев в год. Чтобы осужденный мог участвовать в проекте, необходимо наличие нескольких условий. До следующего слушания его дела на комиссии по условно-досрочному освобождению должно оставаться больше двух месяцев, он должен отбывать срок в тюрьме обычного режима и не быть отягченным слишком большим уголовным прошлым. Важным условием является также наличие конкретной жертвы в совершенном им преступлении. Некоторые встречи проводились в тюрьме строгого режима, а также вне пенитенциарных учреждений, например, в помещениях службы пробации, дома у потерпевших, в здании церкви или в кафе, поскольку осужденные часто освобождаются из мест заключения до того, как их дело окончательно будет принято для рассмотрения в рамках программы (Cook, 1989).

Программа примирения жертвы и правонарушителя в Грейтфордском исправительном учреждении в Пенсильвании состоит из трех этапов. Она представляет собой попытку добровольцев сделать систему уголовной юстиции более полезной как для жертв, так и для правонарушителей. Программа стремится содействовать тюрьме, создавая благоприятное общественное мнение, поддерживая попытки усилить ответственность правонарушителей и предоставляя хорошо продуманные и должным образом осуществляемые бесплатные программы. Программа, начавшая свою работу в апреле 1992 года, ориентирована на мужчин, осужденных за совершение тяжких преступлений, включая убийство. Первые два этапа программы состоят в проведении еженедельного семинара, нацеленного на то, чтобы помочь правонарушителям осознать, каким образом преступление влияет на пострадавших и как важно для виновных принять ответственность за свои поступки. В ход идут видеозаписи, упражнения, используется групповая дискуссия. Для выступлений и ответов на вопросы в качестве гостей могут приглашаться представители потерпевших²¹.

Цель первого этапа программы – дать возможность заключенным создать «группу поддержки», которая будет способствовать принятию ими личной ответственности и поможет им узнать о последствиях виктимизации. Такая группа позволяет и заключенным, и представителям потерпевших увидеть преступление в контексте восстановительного правосудия, помогает защитникам потерпевших наладить конструктивное взаимодействие с правонарушителями и способствует принятию участниками друг друга. «Первый этап был успешным периодом осознания того, какое влияние преступление оказывает на других людей, периодом эмоциональной чуткости и роста, – пишут в своем мартовском 1993 года докладе эксперты, оценивавшие проект. – Признавая ту боль, которую вызывало мысленное возвращение к собственному преступлению, и неловкость, связанную с необходимостью открыть другим свои личные чувства, зачастую ранее ни перед кем не открытые, эти люди все же ощущали огромное значение самого процесса, ценность которого перевешивала для них все его трудности. Солидарность группы служила для участников поддержкой, что наглядно проявлялось в большем стремлении к самораскрытию, взаимному уважению и сохранению конфиденциальности» (Hall, 1993). На втором этапе на протяжении недели заключенные встречались с «суррогатными» жертвами, а на следующей неделе – писали письма своим

---

²¹ Представители потерпевших (victim advocates) предлагают жертвам преступлений разнообразный спектр услуг, куда входит как юридическая помощь, так и психологическая и эмоциональная поддержка. Они также представляют интересы потерпевших в различных инстанциях. - *Прим. научн. ред.*

собственным жертвам и их родственникам. На этом этапе вставляли следующие задачи: создать безопасную и благотворную обстановку, в которой жертвы и правонарушители с уважением могли бы говорить друг с другом; предоставить им возможность выразить, каким опытом для них стало преступление; дать жертвам шанс описать последствия преступления и уголовного разбирательства в их жизни; поддержать написание писем с извинениями; предоставить жертвам возможность простить обидчика, а правонарушителям – принять ответственность за свои деяния; способствовать пониманию того, что восстановительное правосудие ставит во главу угла людей и тот вред, который им был нанесен.

На последнем этапе программы письма с извинениями были переданы сотрудникам Программы содействия жертвам преступлений, принимавшим участие в проекте. Они связались с жертвами или родственниками жертв (в случае убийства) и сообщили о наличии таких писем и возможности при желании получить и прочитать их.

В Лэнгли, Британская Колумбия, шестимесячный пилотный проект был нацелен на выявление и анализ возможностей проведения медиации жертвы и правонарушителя по случаям насильственных преступлений. Сотрудники проекта работали с осужденными, содержащимися в канадском федеральном исправительном учреждении за такие преступления, как вооруженное ограбление, изнасилование, серийные изнасилования и убийства (в случае, если преступник и жертва были связаны родственными узами). В каждом случае на встрече присутствовало несколько пострадавших. Автор, анализирувавший проект, провел интервью с четырьмя заключенными и тринадцатью жертвами, участвовавшими в проекте. Главное, что показало его исследование, – это то, что успех нельзя измерять слишком узко лишь числом реально состоявшихся встреч жертвы и правонарушителя. Самые разнообразные факторы, как, например, разделяющее потенциальных участников географическое расстояние и неготовность к встрече одной из сторон, могут задерживать встречу или откладывать ее на более поздний срок. «Тем не менее, – отмечается в оценке проекта, – в высшей степени значительные результаты могут быть достигнуты как для жертвы, так и для правонарушителя, которые начинают процесс, пусть даже если они и не завершат его» (Roberts and Jani, 1992). Обе стороны всегда были потрясены тем, что кому-то небезразлично их дело. Общение с жертвами или, соответственно, с правонарушителями участники зачастую считали значительным, трудным или интересным. Сначала многие из них тревожились, гадая о возможных последствиях встречи. Встречи, однако, часто позволяли сильным эмоциям всплыть на поверхность, а участникам – освободиться от сильных эмоций.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Ни одна из проведенных оценок примирения жертвы и правонарушителя в тюрьме не была особенно doskonaльной, однако все они несут в себе интересную информацию и поднимают ряд организационных вопросов, полезных и практикам, стремящимся создать соответствующую программу, и экспертам, желающим разработать более подробный план исследовательской оценки таких программ. Примирительные и другие подобные встречи организовывались по просьбе жертв, правонарушителей и даже лиц, оказывающих юридические услуги. Правоохранительные и судебные органы, по большей части, не располагают правилами, регулирующими создание подобных программ, поэтому, в первую очередь, необходимо организовать встречу с ключевыми должностными лицами. Весьма и весьма вероятно бюрократическое сопротивление или недоверие со стороны властей, поэтому необходимо дать ответы на возможные вопросы о мотивах, которые движут вами при создании такой программы. Встречи с должностными лицами, помимо всего прочего, облегчат доступ в тюрьму. Администрация тюрьмы тоже может чинить препятствия. Так, например, в одной тюрьме сотрудникам программы не разрешили вести видеосъемку встреч при помощи

собственного оборудования. Представитель тюрьмы хотел, чтобы они взяли в аренду оборудование, находящиеся в собственности тюрьмы, а также чтобы они оплачивала сверхурочные часы работнику тюрьмы, назначенному контролировать программу. Администрация тюрьмы может в какой-то момент просто остановить программу, и, по крайней мере, в одном учреждении именно это и произошло.

Программы основаны на разной философии, и эти нюансы не всегда очевидны. Организаторы одной калифорнийской программы недавно выступили со следующим заявлением: «Мы придерживаемся того взгляда, что правонарушитель, а не общество, несет ответственность за правонарушение и что преступление есть нравственная привычка, обусловленная исключительно личным выбором. Единственное, что необходимо для участия в программе, – это способность преступника свободно и полностью признать свою вину в преступлении. В этом суть. Преступление – это не социологическая аберрация, это – грех» (Rodrigues, 1990). Другие могут с такой точкой зрения не согласиться. Признание вины – разумное условие для участия в программе, поскольку без него значимое общение или диалог между жертвами и правонарушителями едва ли возможны. Но является ли преступление грехом? Правильно ли считать его следствием исключительно личного выбора? Правонарушители и жертвы могут считать личную ответственность важным фактором для обсуждения, но они смотрят на преступление более широко. Определенная конкретность цели программы полезна для привлечения участников диалога, но она может также и отвратить их. Кроме того, описания, в большей степени представляющие позиции организаторов программы, нежели жертв и правонарушителей, несут в себе опасность создания процесса, который будет иметь большую ценность именно для них, а не для потенциальных участников. «Заявление о принципах, – отмечает один эксперт, – локализует программу на философской карте. Оно есть заявление об идентичности. Оно напоминает людям, занятым в программе, кто они есть и на основе каких ценностей базируется их деятельность. Оно сообщает общественности, правительству и клиентам, предоставления каких услуг и какого качества им ожидать» (Sawatsky, 1988). Но и обобщающие ссылки на такие понятия, как ответственность, могут направить программу, вопреки желанию ее организаторов и участников, по ложному пути. В особенности велик риск того, что программы окажутся под контролем чиновников или что они станут опираться на наказание, а не на возмещение.

Программы примирения в тюрьме корреспондируют с семинарами жертвы и правонарушителя, которые в большей степени нацелены на поощрение участия и понимания между жертвами и правонарушителями. Возможно, грань между двумя этими инициативами невелика, но провести различия, вероятно, следует, хотя бы для ясности. Примеры таких семинаров предлагают нам тюрьма Синг-Синг, город Оссининг, штат Нью-Йорк, и Исправительный центр в Крейгсвилле, штат Вирджиния. Семинар жертв и правонарушителей в тюрьме Синг-Синг возник на основе встреч заключенных и Группы квакерского богослужения:

Семинары жертв и правонарушителей представляют собой собрание правонарушителей и «суррогатных» жертв преступлений или членов их семей (в случае убийства). Раскованной работе участников таких групп помогают два психолога-добровольца. Мы нашли средства для оплаты приезда потерпевших в тюрьму и предлагаем им также скромный обед. До посещения тюрьмы жертвами заключенные проходят период подготовки, направленной на то, чтобы помочь им понять проблемы пострадавших и дать им представление о том, что их ожидает при встрече с потерпевшими. Эти встречи оказались чрезвычайно удачными и позволили как пострадавшим, так и правонарушителям получить практически применимый опыт. Заключенных подталкивают к принятию ответственности за свои действия и к чуткому пониманию последствий правонарушения с точки зрения

потерпевших, в особенности, к осознанию «эффекта домино», вызываемого преступлением. В то же время, жертвам рассказывают о преступности, предлагая советы, которые могут помочь им избежать в будущем участи пострадавшего от преступления, а также понять, на что тюрьма на самом деле способна, а на что – нет. Это позволяет потерпевшим, зачастую в первый раз, почувствовать, что им открывается возможность принять участие в уголовном правосудии, а не просто быть им использованными. Участники обеих групп говорят, что в результате программы они оказываются способными увидеть в другом живого человека - иногда впервые. Цель этих семинаров – создать безопасное пространство для исцеления и роста личности. Мы полагаем, что сочетание терапии и обучения профессиональным навыкам позволит восполнить нравственную и экономическую недостаточность, которая во многом лежит в основе преступности. Мы надеемся, что эта программа восстановительного правосудия, в конечном итоге, скажется на уровне рецидива и будет служить мостом для возвращения осужденных в общество (M. Vitel, personal communication, 1991).

Как и другие программы, программа Peace Studies/ATV в Крейгсвилле состоит из трех этапов.

Начальный этап программы нацелен на предоставление заключенным знаний о методах, истории и практике миротворчества и ненасильственных подходов к разрешению конфликтов. Курсы носят теоретический характер, но являются практичными по возможности своего приложения. Навыки, которыми пользовались Ганди, Кинг и другие признанные историей миротворцы в борьбе за справедливость, может применять каждый из нас – будь то индивидуально в своей личной жизни или сообща в жизни общественной. Главная составляющая второго этапа – семинар жертв и правонарушителей; третья же фаза связана с профессиональным обучением. Запись на участие в одном из этапов программы подразумевает также участие и в остальных. Все они представляются одинаково важными (Peace Studies/ATV, 1994).

Основные составляющие программы включают в себя: интеллектуальную подготовку в области ненасильственного разрешения конфликтов; беседы о социальных условиях, которые вносят свой вклад в преступность; вопросы более полного участия потерпевших в отправлении уголовного правосудия. Кроме этого можно упомянуть предоставление осужденным возможности признать, какими последствиями преступление обернулось для потерпевших, а также их самосовершенствование через участие в организации, планировании и осуществлении решений по собственному исправлению. Еще один элемент программы – это акцент на важности овладения профессиональными навыками в условиях экономической системы с постоянно растущей конкуренцией.

ВЫВОДЫ

Исследования показывают, что примирительные встречи дают позитивный эффект. Проведенная в 1988 году оценка программы «Лицом к лицу», действующей в Исправительном учреждении Хедингли в провинции Манитоба, дала следующие результаты. Жертвы смогли лучше понять проблемы и прошлое правонарушителей и осознать, что они «тоже люди». Эмоции потерпевших нашли выход, страхи утихли, а они сами обрели душевный покой. Стереотипы в отношении правонарушителей несколько пошатнулись, и там, где жертвы в результате диалога прониклись состраданием к правонарушителям и осознали социальные условия, в которых те находятся, - были очевидны прощение и примирение. Правонарушители смогли узнать о чувствах жертв, хотя их стереотипы едва ли пошатнулись, поскольку они сообщали о том, что редко думали о жертвах в первую очередь. Еще одним результатом

программы стало то, что правонарушители осознали необходимость по-новому расставить жизненные приоритеты, а также приняли подход, ориентированный на возмещение причиненного ими вреда (Sawatsky, 1988).

Примирение жертвы и правонарушителя в тюрьме – это мощный практический метод заглаживания некоторой части того вреда, который приносят как насильственные, так и ненасильственные преступления. Сотни примирительных встреч не повлекли за собой никаких негативных последствий. В действительности, как жертвы, так и правонарушители называли эти встречи возможностью для успешного открытого общения, позволившей одним в значительной мере обрести контроль над событиями, которые они до конца не понимали, а другим – узнать, к каким результатам привели их действия. Тем не менее, будущее примирения жертвы и правонарушителя в тюрьме остается неясным. Индивидуальные однократные встречи, вроде тех, что проводились в штате Нью-Йорк, едва ли будут проходить часто. Причина этого отчасти кроется в том, что управление в тюрьмах осуществляется консервативно и изменения в ежедневном рутинном распорядке, необходимые для проведения таких встреч, маловероятны. Помимо этого, практика исполнения наказаний в США все больше критикуется политиками и гражданскими объединениями в защиту правопорядка за крупные бюджетные траты и предоставление слишком большого количества услуг и льгот преступникам, находящимся в заключении.

Инициативы, не связанные с тюрьмами, были реализованы во многих местах, но ограничения, налагаемые при создании программ с заключенными, скорее всего, скажутся на количестве подобных начинаний – как добровольческих, так и получающих финансовую поддержку со стороны государства. Существуют данные, которые подтверждают, что различные начинания заключенных все в большей степени будут концентрироваться вокруг примирения жертвы и правонарушителя. В тюрьмах, где проходили и проходят такие программы, существуют списки ожидания для заключенных, которые желают, но не могут принять участие в программах в силу причин, связанных с недостатком времени, нехваткой места и другими ограничениями. Но в начинаниях заключенных большое внимание также уделяется (вполне разумно) развитию профессиональных навыков, что важно для освобождающихся из заключения, которые окажутся лицом к лицу с жесткой и требовательной рыночной экономикой. Многие программы, занимавшиеся примирением жертвы и правонарушителя в тюрьме, теперь не действуют, и я бы не рискнул говорить что-либо о долготии тех программ, которые предоставляют эти услуги в данный момент. Тем не менее, до сих пор идея и практика примирения жертвы и правонарушителя в тюрьме носят положительный характер. При определенном стечении обстоятельств в будущем эта практика, скорее всего, получит более широкое распространение.

Вот несколько подходов, использование которых может увеличить шансы дальнейшего использования примирения жертвы и правонарушителя в местах лишения свободы. Во-первых, тюремное руководство, а также главы департаментов исполнения наказаний должны получать больше информации о возможностях осуществления примирения жертвы и правонарушителя в тюрьме. Эти лица играют значимую роль в процессе становления всякой новой программы, поскольку в департаментах исполнения наказаний решения, как правило, принимаются по схеме «сверху вниз». Поддержка одной из этих сторон крайне важна для успешного начала программы. Более того, некоторые начальники тюрем и руководители департаментов исполнения наказаний склонны поддерживать новые инициативы. Во-вторых, необходимо уделять больше внимания философским и теоретическим основам ПП в тюрьме. Какова роль наказания в рамках программ восстановительного правосудия (если она вообще есть)? В-третьих, необходимо проведение большего количества исследований этих программ. Нужно подробно описывать, оценивать и анализировать программы, позволяющие правонарушителям

встречаться с их реальными, а не «суррогатными» жертвами. Требуется адекватная информация по следующим вопросам: какие лица принимают участие в программе, каково уголовное прошлое участвующих в программе правонарушителей, каковы результаты встреч. Также было бы поучительно больше узнать о воздействии этих программ на последующее поведение и ощущения участников. Было бы жаль, если бы история и потенциал этих программ оказались бы похоронены в пыльных документах или сошли бы на нет в связи с отсутствием хорошо продуманных и четко выраженных экспертных оценок.

Ссылки

Bitel, M.D. (1991). «*A Study of the Attitudes of Incarcerated Men Toward Victim-Offender Reconciliation and Reparation Schemes.*» Masters Degree Thesis, State University of New York, New Paltz, NY.

–(1991). Personal communication.

Cook, D. (1989). *Victim-Offender Reconciliation Project at the Legal Assistance to Institutionalized Persons Program (LAIP): The First Four Years.* Madison, WI: LAIP.

Hall, J. (1993). *Final Report: The Victim-Offender Reconciliation Program: The State Correctional Institution at Grateford, PA:* U.S. Office on Crime and Justice, Mennonite Central Committee.

Immarigeon, R. (1984). «VORP and the Criminal Justice System: Conflict and Challenge.» *VORP Network News* 3(4): 4,7-9.

–(1993). «Victim-Offender Reconciliation in a Penal Setting.» *Corrections Compendium* 18(8): 5-7.

–(1994). *Reconciliation Between Victims and Imprisoned Offenders: Program Models and Issues.* Akron, PA: U.S. Office on Crime and Justice, Mennonite Central Committee.

Jaegger, M. (1983). *The Lost Child.* Grand Rapids, MI: Zondervan Publishing House.

Launey, G. (1987). «Victim Offender Conciliation.» In: B. McGurk, D. Thornton and M. Williams (eds.), *Applying Psychology to Imprisonment: Theory and Practice.* London, UK: Her Majesty's Stationery Office.

Peace Studies/ATV. (1994). *Program Information Handbook.* Craigsville, VA: Augusta Correctional Center.

Peachey, D. (1989). «The Kitchener Experiment.» In: M. Wright and B. Galaway (eds.), *Mediation and Criminal Justice: Victims, Offenders and Community.* London, UK: Sage Publications, Inc.

Roberts. T. and S. Jani (1992). *Evaluation of the Victim Offender Mediation Pilot Project: Final Report.* Victoria, BC: University of Victoria Institute for Dispute Resolution.

Rodrigues, J.E. (1990). «Victim-Offender Mediation Inside the Walls.» *Victim-Offender Mediation* (Spring).

Sawatsky, L. (1988). «Face to Face: An Evaluation.» Winnipeg, CAN: University of Manitoba.

Self, M. (1995). Personal communication.

Swift, J. (1994). *A Cry for Justice: A Mother's Journey to Confront the Killer of her Children.* Boca Raton, FL; Cool Hand Communications, Inc.

Umbreit, M. (1985). *Crime and Reconciliation: Creative Options for Victims and Offenders.* Nashville, TN: Abingdon Press.

Организация программ медиации жертвы и правонарушителя в местах лишения свободы: проблемные вопросы

Выдержки из отчета «Примирение жертвы и правонарушителя, находящегося в заключении: различные модели программ и проблемные вопросы». Мennonитский Центральный Комитет

США, Отдел по проблемам преступности и правосудия. Составитель Расс Иммариджеон. Январь 1994²²

4. Организация программ медиации жертвы и правонарушителя в местах лишения свободы: проблемные вопросы

Несмотря на то, что большая часть программ медиации жертвы и правонарушителя, как и отдельные примирительные встречи, строились по сходным процедурам, все же можно отметить значительные различия между программами. Похоже, что не существует одного строго определенного способа инициирования и организации программ. Неотъемлемым компонентом любой среды, в которой осуществляются примирительные встречи, является гибкость и умение изменяться в соответствии с обстоятельствами. Тем не менее, имеющийся опыт организации программ и встреч предлагает нам несколько важных вопросов, на которые необходимо обратить внимание каждому, кто берется за проведение встреч жертвы и правонарушителя.

4.1. Начало

Похоже, не важно, кто запускает механизм. Инициаторами программ выступали и жертвы, и правонарушители, и государственные защитники²³, и сотрудники тюрем, и другие лица. Правоохранительные органы и суды, по большей части, не располагают правилами организации примирительных встреч. Таким образом, любой человек, изъявляющий желание устроить такого рода встречу, наверняка столкнется с бюрократическими препонами или недоверием со стороны официальных структур. И в этом нет ничего необычного. Все новые начинания должны «пробиваться сквозь лед». В тех случаях, когда не существует определенного механизма, нужно разработать протокол организации подобных встреч. Требуется также погасить имеющиеся подозрения относительно мотивации жертв и правонарушителей, которые желают участвовать в такой встрече.

Программы и встречи организовывались по просьбе жертв, правонарушителей и даже лиц, предоставляющих юридические услуги. Эллен Томпсон, представительнице потерпевших, не позволили начать программу. Гарри Гейгеру, участвовавшему в качестве потерпевшего в документальном фильме канала «Хоум Бокс Офис» (США) о примирительных встречах в тюрьме, потребовалось шесть лет, чтобы встретиться с человеком, совершившим против него преступление. Организации «Юридическая помощь лицам, находящимся в местах заключения» не удалось побороть сомнения работников исправительной системы. Препятствия есть и будут всегда. Но они сами по себе не суть достаточные причины, чтобы сложить руки. Самым важным фактором для начала программы является чье-то желание сделать первый шаг. Если оно есть, тогда можно сдвинуть горы.

4.2 Получение доступа на территорию тюрьмы

Успешный ход встреч жертвы и правонарушителя требует того, чтобы тюремные чиновники сперва одобрили эти встречи, а затем не затрудняли их проведение ограничением

---

²² *Reconciliation between victims and imprisoned offenders: Program models and issues*. Mennonite Central Committee U.S. Office on Crime and Justice. January 1994.

²³ Термином «государственные защитники» («*Public defenders*» - *англ.*) - обозначаются юристы, оказывающие за заранее определенное вознаграждение, черпаемое из федеральных или местных фондов, юридическую помощь неимущим гражданам и вообще всем, кто не может себе позволить оплату труда защитника по рыночным ставкам. Иногда муниципалитет заранее вносит в фонд местной адвокатской ассоциации оговоренную сумму денег, обуславливая этот взнос обязательством юристов выступать защитниками всех неимущих подсудимых, сколько бы их ни было, на протяжении года. – *Прим. научн.ред.*

соответствующих мероприятий. Необходимо также внимательно проследить за тем, чтобы ни осужденные, ни потерпевшие не использовали программу или встречи в дурных целях.

Если забыть фразы о реабилитации осужденных и других целях наказания, тюрьмы остаются, прежде всего, учреждениями, ориентированными на безопасность. Первый вопрос всех тюремных чиновников, за небольшим исключением, будет звучать так: «Как ваше предложение повлияет на безопасность?» Это факт, касающийся управления исправительными учреждениями, который добровольцы, работающие в тюрьмах, должны принять. Если вы будете высказывать сомнения в логике такого подхода, вряд ли это сделает вас более желанными гостями. Лучше всего следовать правилам, сколь бы здравыми или неразумными они вам ни казались. На том или ином этапе вашей работы тюрьмы будут чинить вам препятствия... Такого рода преграды ставятся не только перед программами медиации жертв и правонарушителей. В одном штате восьмидесятиоднолетней женщине запретили преподавать в образовательной программе для заключенных, которую она сама организовала двадцать лет назад, за то, что она направила одному заключенному денежный перевод в размере пяти долларов после того, как он переплатил за книгу, купленную для одного из ее занятий.

И все же тюрьмы – учреждения неоднородные. Не забывайте, что многие работники исправительной системы либо поддерживают идею встреч жертвы и правонарушителя, либо способны научиться ценить их значимость.

Важно установить хорошие рабочие отношения с администрацией той тюрьмы, в которой вы хотите проводить встречи. Иногда полезно бывает также предоставить полную информацию о себе уполномоченному по исправительным учреждениям штата. Не стоит и говорить, что также необходимо быть открытыми и откровенными в отношении программы или встреч, которые вы хотите проводить. Это верно для любой ситуации, но особенно значимо для работы в местах лишения свободы.

Тюрьмы зачастую представляются в негативном свете, и сотрудники тюрьмы нередко хотят обеспечивать наличие таких услуг или возможностей, которые позволили бы им выглядеть благообразнее в глазах общественности. Тюремные чиновники могут согласиться на реализацию программы или проведение встречи в силу того, что они хотят продемонстрировать свою заинтересованность в позитивном развитии осужденных.

4.3 Превратности тюремного режима

Функционирование программ, в которых заняты волонтеры, не принадлежащие к тюремной системе, может быть связано с различными заминками и задержками, связанными с внутренним тюремным распорядком и другими трудностями. Если на участие в различных программах заключенным выделяется лишь незначительное время, то, вероятно, число участников программы медиации будет небольшим, ибо заключенным придется выбирать между несколькими заинтересовавшими их программами. Тюремная администрация может переводить заключенных с места на место по не вполне понятным причинам, прерывая тем самым процесс. Наличие хороших рабочих отношений с сотрудниками тюрьмы может помочь в решении многих из этих проблем.

4.4 Страхи и сомнения

У жертв и правонарушителей есть много страхов. Они боятся самих себя, друг друга, будущего. Сотрудники тюрьмы, а также и жертвы и правонарушители зачастую подозрительно относятся к новым инициативам и особенно к тем из них, которые призваны сделать процесс назначения и исполнения наказания более «гуманным». Как понятно из высказываний потерпевших, в наибольшей степени их беспокоит вопрос, почему именно им выпало стать жертвой преступления. Услышав от самого правонарушителя, что никакой личной причины для

этого не было, потерпевшие расстаются с частью страхов, которые они испытывали раньше. По словам же заключенных, примирительные встречи позволили им увидеть, что потерпевшие не настолько преисполнены чувством мести, как они ожидали. И наконец, сотрудники тюрьмы, получая возможность узнать об этой программе и увидеть ее в действии, часто становятся ее «новообращенными» сторонниками.

4.5 Ясность и четкость цели

Крайне важно четко и лаконично формулировать цель (цели), которую вы преследуете, инициируя примирительную встречу или программу, в рамках которой такие встречи будут проводиться.

Проект «Восстановительное правосудие», действующий в Мэдисоне, штат Висконсин, определяет свою цель следующим образом: «Восстановительное правосудие, в первую очередь, видит в преступлении рану, нанесенную человеческим отношениям, и концентрирует внимание на разрешении проблемы и восстановлении отношений, а не на реализации наказания или «некарательного воздействия». Восстановительное правосудие основывается на прямом диалоге жертвы и правонарушителя, осуществляемом через процесс медиации, а не на состязательных отношениях и процедурах, свойственных уголовной юстиции, в центре которой стоит государство. Поскольку восстановительное правосудие ориентировано на поиск решения посредством прямого диалога, жертвы преступлений получают главную роль в этом процессе и не могут быть игнорироваться и подвергаться вторичной виктимизации, как это часто происходит в рамках существующей системы уголовной юстиции».

Программа примирения жертвы и правонарушителя, действующая в исправительном учреждении города Грейтфорд, штат Пенсильвания, ставит в центр всех своих начинаний модель восстановительного правосудия. Отдельные встречи, в отличие от программ, зачастую имеют менее четкие цели. Заинтересованные стороны в таких случаях могут просто стремиться к разрешению конкретных вопросов, связанных с их делом.

4.7 Консультации и подготовка жертв и правонарушителей

Перед участием собственно в примирительной встрече обе стороны, как правило, пользуются многочисленными консультациями. Как говорит Томас Ф. Кристиан, исполнительный директор Программы центров общинного разрешения конфликтов штата Нью-Йорк, принимавший в качестве медиатора участие в съемках документального фильма канала «Хоум Бокс Офис» (США) о примирительных встречах в тюрьме, с каждой из сторон необходимо провести предварительную беседу и подготовить к встрече с другим ее участником. Представляющие третью сторону медиаторы, специалисты в области разрешения конфликтов, тюремные консультанты или добровольцы должны заранее обсудить с каждым из участников три следующие темы.

Мотивация. Почему человек хочет встретиться с другим человеком? Руководят ли им «благие» намерения, както: желание оставить все позади, примириться, положить конец болезненным переживаниям? Или на передний план выступают «дурные» мотивы: желание каким-то образом отомстить, причинить боль или просто создать видимость действия?

Выгода. Что стороны хотят вынести из совместной встречи?

Процедура. Что произойдет при встрече жертвы и правонарушителя? Что делает каждый из них? Что делает медиатор? Что происходит, если одна из сторон замыкается и перестает высказываться? Как пребывание в тюрьме может отразиться на манере правонарушителя вести себя? Что тюрьма делает с человеком? Что такое опыт виктимизации? Как изменяется мировоззрение человека, ставшего жертвой преступления?

Предварительная подготовка жертв и правонарушителей не только позволяет выявить дурные мотивы или нереалистичные ожидания, но также проясняет участникам возможности внутреннего освобождения и исцеления, к которым может привести этот процесс. Коротко говоря, такая подготовка увеличивает вероятность того, что каждый из участников будет видеть в другом живого человека, а не просто жертву или правонарушителя.

4.8 Половая принадлежность

Потерпевшие женского пола, а также женщины-медиаторы (и другие женщины-сотрудники программы) с самого начала участвовали в инициации и проведении программ примирения жертвы и правонарушителя в тюрьме. Тем не менее, насколько нам известно, в настоящий момент не существует программ, в рамках которых женщины-правонарушители участвовали бы в мероприятиях, ориентированных на примирение. Исторически сложилось так, что женщины-заклученные получали меньше возможностей участия в различных программах, нежели отбывающие наказание мужчины. Однако недавние психологические исследования психолога Кэрол Гиллиган и других ученых показывают, что женщины, в сравнении с мужчинами, демонстрируют больше умения в использовании базовых подходов к разрешению конфликтов на основе посредничества. Люди, стремящиеся организовать новую программу, а также уже проводящие соответствующие программы, вполне могли бы выиграть от изучения этой литературы и изыскать возможности участия женщин в таких встречах.

4.9 «Обратная связь» и оценка

Никто не утверждает, что один метод проведения встреч жертв и правонарушителей по сути своей лучше, нежели другие. Так, например, стили медиаторов различаются в зависимости от каждого конкретного человека, несмотря на то, что в любом из подходов есть много общего. Имеющийся опыт проведения таких программ в местах лишения свободы довольно ограничен, и здесь от инициаторов и организаторов в большей степени требуется экспериментирование. Крайне необходимо предоставить участникам программы возможность сформулировать свои страхи и мысли и выразить отношение к процессу, в котором они принимали участие. Кроме того, важно, чтобы оценка процесса и анализ результатов проводились также наблюдателями-экспертами, которые могут собрать эмпирические данные и высказать критические замечания. Эту информацию следует использовать для усовершенствования действующих программ.

Формальные исследовательские оценки, проведенные на сегодняшний день, принесли положительные результаты. Оценка программы «Лицом к лицу», действующей в Исправительном учреждении Хедингли в провинции Манитоба, Канада, проведенная в 1988 году, показала следующее:

- жертвы смогли лучше понять проблемы и прошлое правонарушителей;
- жертвы осознали, что правонарушители «тоже люди»;
- эмоции жертв нашли выход, страхи утихли, а они сами обрели «душевный покой»;
- стереотипы жертв в отношении правонарушителей в некоторых случаях пошатнулись;
- в тех случаях, когда жертвы через диалог пришли к «состраданию правонарушителям и пониманию социальных условий, в которых те находятся», были очевидны прощение и примирение;
- правонарушители смогли узнать о чувствах жертв (особенно они были удивлены, узнав, сколь запуганными становятся люди, пережив совершенное против них преступление);
- стереотипы правонарушителей в отношении жертв в редких случаях оказывались поставлены под сомнение, поскольку правонарушители сообщали о том, что вообще редко думали в первую очередь о жертвах;

- правонарушители осознали необходимость по-новому расставить жизненные приоритеты;
- правонарушители приняли подход, ориентированный на возмещение причиненного вреда (Sawatsky, 1988).

4.10 Благоприятные результаты

Никакого официального или сравнительного исследования успеха встреч жертв и правонарушителей проведено не было. Оценить результаты можно лишь по отдельным историям, но не оперируя опытными данными. Удовлетворенность заключенных и потерпевших участием в программах будет различаться в зависимости от отдельных людей и со временем. Помимо этого, неудача в достижении цели программы, такой как достижение сторонами более глубокого понимания основанного на возмещении вреда правосудия, отнюдь не всегда свидетельствует о неуспехе, если индивидуальная цель (например, способность разглядеть в преступнике человека или понимание того, что он сожалеет о содеянном) оказывается достигнутой.

4.10 Принятие

Несмотря на то, что примирение, или медиация жертвы и правонарушителя используется на практике уже более двадцати лет, это понятие для многих является новым. Соответственно, чиновники и другие люди, работающие в исправительной системе, могут скептически относиться или открыто противиться идее сведения вместе жертв и правонарушителей. Для того чтобы организовать встречу, полное принятие программы всеми сотрудниками, например, теми, кто следит за проведением встреч, может и не понадобиться. Зачастую такое принятие возникает позднее.

Одна история, которую рассказал опытный ведущий, хорошо это иллюстрирует. Тюремному консультанту поручили подготовку заключенного к примирительной встрече. С самого начала консультант считал идею проведения такой встречи ужасной. Он не изменил своего мнения даже после общения с медиатором, который рассказал ему о нескольких удачных встречах, проведенных в других местах. Консультант поговорил с заключенным, узнал о его желании принять участие в такой процедуре, но все равно продолжал сомневаться. Свой скептический настрой он сохранял даже после беседы с потерпевшим, состоявшейся незадолго до примирительной встречи. Только сама встреча сломала его сопротивление. «Он просто не мог в это поверить», как сообщил медиатор. Интересно, что консультант, теперь признающий достоинства таких программ, высказал идею, чтобы предварительной подготовкой занимался человек, не входящий в штат тюремных сотрудников.

Вот что пишет Эллен Томпсон:

Я стала яркой сторонницей программ примирения жертвы и правонарушителя, потому что сама была жертвой насильственного преступления. Наша теперешняя система уголовной юстиции не действует. Она не в состоянии справиться с постоянно растущим числом преступников и найти подход к их жертвам. Наша система уголовной юстиции забыла о том, что имеет дело с живыми людьми, у которых есть реальные потребности, вопросы, семьи. В фокусе внимания - наказание правонарушителя, тогда как нужды жертв не принимаются в расчет. Программа примирения предлагает не только альтернативу тюремному заключению для некоторых правонарушителей, но также позволяет жертвам преступления иметь большую роль в определении наказания и/или формы возмещения.

Примирение жертвы и правонарушителя в тюрьме – это мощный практический метод заглаживания некоторой части того вреда, который приносят как насильственные, так и ненасильственные преступления. В Канаде, Великобритании и США были проведены сотни примирительных встреч, которые не повлекли за собой никаких негативных последствий. В действительности, как жертвы, так и правонарушители называли эти встречи возможностью для успешного открытого общения, позволившей одним в значительной мере обрести контроль над событиями, которые они до конца не понимали, а другим – узнать, к каким результатам привели их действия.

Когда пересматривался приговор, вынесенный напавшему на него человеку, Ричард Дж. Белша в письме судье Майклу Сквираски написал следующее:

«Хотя такая встреча, вероятно, и не может помочь в каждом случае, мне она, безусловно, помогла. Я смог прийти к более глубокому пониманию события, которое коренным образом изменило жизнь одного молодого человека, а также к осознанию того, что при отсутствии эгоистических мотивов и желания отомстить примирение между жертвой и обидчиком в том или ином виде возможно».

Американская пенитенциарная система была первоначально задумана для того, чтобы изолировать преступников и тем самым дать им возможность поразмышлять над своей жизнью и поступками. По иронии, с годами, по мере развития тюремной системы, тюрьмы все реже и реже рассматривались как места, где правонарушители могли бы взять на себя ответственность за свои действия. Несмотря на ставшее следствием принятия новых законов улучшение условий содержания заключенных во многих американских тюрьмах, тюремное заключение остается суровым и, по сути, дорогостоящим и тлетворным способом реагирования на преступность. Медиация жертвы и правонарушителя, проводимая в тюрьмах (как, например, Программа «Альтернативы насилию»), не смягчает полностью всех этих обстоятельств. Тем не менее, она предлагает помощь в улучшении жизни людей, совершающих преступления, и тех, кто страдает от этого.

Медиация жертвы и правонарушителя в тюрьме – это одна из возможностей выбора, которая способна принести пользу любому, кто является жертвой преступления или преступником и желает участвовать в такой процедуре. Несмотря на то, что в этом отчете были отмечены некоторые предосторожности, которые необходимо принять, прежде чем заниматься такой программой, изложенный здесь базовый подход остается прямым и простым. Медиация жертвы и правонарушителя в тюрьме – еще очень «молодая» программа. Ваш опыт работы в этой инновационной, исцеляющей и снимающей акцент с наказания программе будет играть основную роль в формировании ее будущего.

СЛУЧАИ

Медиация по случаю вождения автомобиля в нетрезвом состоянии, повлекшего за собой смерть: работа над одним делом

Некоторые наблюдения и принципы медиации жертвы и правонарушителя в случаях тяжких насильственных преступлений

(Выступление на Международной конференции Ассоциации медиации жертвы и правонарушителя в Виннипеге, Манитоба, Канада 7 июня 1994 года)
Мартин Э. Прайс, доктор права

Программы медиации жертвы и правонарушителя обретают зрелость в такое время, когда отмечается рост насилия фактически во всех слоях общества. Большая часть программ, работающих с жертвами и правонарушителями, ограничивает спектр предлагаемых ими услуг несовершеннолетними нарушителями и/или преступлениями против собственности. Но по мере того как все больше и больше программ осознают ту неоценимую пользу, которую может приносить непосредственная встреча «лицом к лицу» даже в случаях самых жутких преступлений, многие из них начинают расширять область своей работы, включая в нее медиацию тщательно отобранных случаев наиболее тяжких преступлений и преступлений, совершаемых взрослыми.

В настоящий момент некоторые программы, главным образом, по просьбе потерпевших, уже проводят медиацию по случаям изнасилования и других нападений. Состоялись также встречи между убийцами и родственниками их жертв. Все чаще и чаще медиация используется для того, чтобы наладить жизнь и жертв, и правонарушителей, разрушенную гибелью людей в результате управления транспортным средством в нетрезвом состоянии. Здесь следует подчеркнуть, что в случае серьезных или смертельных утрат нельзя рекомендовать использование процесса медиации для всех поголовно. Возможно даже, нельзя это делать для большинства жертв и правонарушителей. Необходимо тщательно оценивать пригодность таких случаев для проведения медиации, участие в которой должно быть совершенно добровольным как со стороны жертвы, так и со стороны правонарушителя. Нельзя обойтись без длительной всесторонней подготовки участников, занимающей иногда месяцы, а то и годы работы медиаторов и различных специалистов в области психологии и психиатрии. Такая подготовка особенно нужна для того, чтобы исключить возможность любого рода вторичной виктимизации на встрече.

В некоторых моделях медиации жертвы и правонарушителя, а также часто в случае менее тяжких преступлений, основное назначение предварительных встреч с участниками состоит в том, чтобы усадить их за общий стол, где уже будет осуществляться работа по разрешению конфликта и примирению. Но в случае тяжких или насильственных преступлений структурированная встреча-медиация есть лишь кульминация того процесса, в рамках которого наиболее напряженная работа, возможно, уже была выполнена. В идеале, когда участники садятся за общий стол, они уже четко осознают, что они думают и чувствуют в отношении преступления и его последствий, что они хотят донести до других на этой встрече и каких результатов хотят добиться. И собственно медиация конфликта, возможно, и не будет основным фокусом этой встречи. *На самом деле, возможно, что никакого конфликта и не будет, да и вопрос о возмещении, в особенности, если речь идет об утраченной человеческой жизни, оказывается либо крайне сложным, либо просто бессмысленным.* Те модели медиации и ведения переговоров, к которым мы привыкли, могут быть неприменимы в подобных ситуациях.

Встречи-медиации в такого типа случаях, скорее всего, будут иметь цели, несколько отличные от тех, которые стоят перед обычным посредничеством между жертвой и правонарушителем. Ведущим потребуются также несколько иные навыки и, соответственно, специфическое обучение. В этих случаях основной акцент ставится на предоставлении жертве и правонарушителю возможности внести свой вклад в исцеление друг друга посредством рассказа о собственной боли и сожалениях. Отсутствие акцента на разрешении конфликта и возмещении в случаях такого типа приводит автора к вопросу о том, правильно ли вообще называть этот процесс «медиацией». Действительно, Марк С. Умбрайт (Ph.D.) из Университета Миннесоты, пионер в этой области, нашел новую формулировку (и, возможно, даже новое название) для этого процесса в своей недавней статье, вышедшей под заглавием «Проведение медиации по случаям убийства: движение сердца через диалог и взаимопомощь».

В статье доктора Умбрайта отмечаются также и другие отличительные характеристики эмоционально насыщенного процесса проведения медиации по случаям тяжких насильственных преступлений, включая подготовку участников к выражению глубоких болезненных чувств. Медиаторы, или «ведущие», должны обладать особыми навыками и знаниями. С точки зрения работы с жертвой медиатору необходимо обладать:

- 1) пониманием того, что есть процесс виктимизации и каковы его этапы;
- 2) опытом работы в ситуации горя и утраты (нашими собственными и других людей);
- 3) пониманием того, что есть посттравматический стресс и знанием, какими бывают его последствия;
- 4) умением сотрудничать с психотерапевтами.

Если говорить о работе с правонарушителем, медиатору необходимо:

- 1) понимание системы уголовной юстиции и уголовно-исполнительной системы;
- 2) знание опыта правонарушителей и заключенных;
- 3) умение общаться в абсолютно безоценочной манере с людьми, совершившими жуткие преступления, - и
- 4) умение вести переговоры с «тюремными» чиновниками высокого уровня для получения доступа к заключенным и проведения медиации в тюрьме.

Процесс медиации по случаю ставшего причиной смерти управления автомобилем в нетрезвом состоянии автор (Прайс) осторожно вел с самого его начала. Исследование этого процесса дает множество доказательств исключительной важности тщательной предварительной работы над делом. Ниже приведены некоторые наиболее показательные из этих примеров.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РАБОТА С СЕМЬЕЙ ЖЕРТВЫ

Пожилым Питеру и Кейтлин Серрелл по восемьдесят с небольшим. Они - родители Элейн Серрелл Майерс, которая погибла по вине пьяного водителя в апреле 1993 года в сельской местности на юго-западе штата Вашингтон. Водителем этим была Салли (имя изменено) – мать-одиночка с двумя детьми. Когда Питер впервые обратился к автору с вопросом о возможности медиации, он имел в виду встретиться с правонарушительницей один на один. Его жена, три оставшиеся дочери и зять – все чувствовали, что не имеют желания или просто не в состоянии принять в этом участие. Автор объяснил Питеру, что с его стороны будет неблагоразумно участвовать в медиации без жены, поскольку есть опасность того, что их длящийся уже пятьдесят лет брак окажется под угрозой. (Разрыв супругов после насильственной смерти их ребенка происходит очень часто.) Питер согласился работать с автором в рамках предварительной оценки дела, держа в уме то, что он не преступит к собственно медиации, если или пока Кейтлин не будет готова присоединиться к нему. Мы собрали информацию о преступлении и том, кто его совершил, и определили мысли и чувства Питера.

По ходу совместной работы Питер сообщал мне, как продвигаются дела с его женой и семьей. По прошествии нескольких месяцев его родственники присоединились к нам. В конце концов, среди членов семьи, принимавших участие в медиации, оказались сам Питер, его жена Кейтлин, их зять Дэйвид (вдовец Элейн), их дочери Барбара с мужем Дэйвом и Бетти со своей десятилетней дочерью Айлин. (Элейн была любимой тетушкой Айлин, и они были очень близки. Айлин попросила, чтобы ей разрешили участвовать.) Работа над делом включала в себя состоявшуюся встречу родственников, в которой Бетти, проживающая в другом штате, принимала участие посредством телефонного аппарата с громкоговорящей связью.

На этой семейной встрече родственники по очереди рассказали о своей боли и обсудили то, как на них сказалась смерть Элейн. В режиме «мозгового штурма» они назвали то, что им нужно было от правонарушителя: те требования, которые они могли бы предъявить ей и

которые могли бы хоть как-то восполнить их утрату. Никого не интересовала денежная компенсация. Цели, которые выдвигали родственники, можно отнести к двум рубрикам. Во-первых, они хотели, чтобы Салли прошла курс реабилитации и использовала свой опыт с тем, чтобы другие люди не оказывались за рулем в нетрезвом состоянии. Для них было важно, чтобы Салли взяла на себя ответственность за улучшение этого мира в качестве благодарности за то, что она выжила в той катастрофе. Во-вторых, было выражено серьезное беспокойство положением и благосостоянием ее маленьких детей. Что можно предпринять для того, чтобы они не пошли по пути их матери и были бы более успешны в этой жизни? Могли ли результатом процесса медиации стать соглашения, которые помогли бы прервать цикл трагедии? Участники поделились своими мыслями и чувствами в отношении того, чего они хотят от Салли. Были сделаны индивидуальные и общие для всех родственников выводы.

Дэйвид Ли Майерс, вдовец Элейн, в течение многих месяцев оставался твердо убежден в том, что не сможет настолько сдерживать в себе гнев и ненависть, чтобы быть в состоянии встретиться лицом к лицу с женщиной, из-за которой погибла его двадцатисемилетняя жена. На семейной встрече Дэйвид пришел к выводу, что хочет принять участие в медиации. В то время как он сам и другие, ранее отказывавшиеся от участия во встрече, приняли одно и то же решение, Дэйвид перешел от ненависти к состраданию. Именно Дэйвид сказал, что раз количество родственников, решивших участвовать в медиации, увеличивается, правонарушителю понадобится кто-то для поддержки. Он высказал предложение о том, чтобы она пригласила с собой «кого-то, кому небезразлична ее судьба и кто мог бы сидеть рядом и держать ее за руку».

Автор поставил вопрос, нужно ли перед встречей-медиацией предоставить Салли письменные заявления жертв о воздействии на них преступления, и семья обсудила эту идею. (Такие заявления могли бы помочь Салли воспринять всю природу и глубину их утраты.) Некоторые члены семьи были против. Сошлись на том, что Салли направят заявления только тех родственников, которые хотят этого.

Правонарушительница получила в катастрофе серьезные травмы, и первоначально врачи вообще сомневались, выживет ли она. После трех месяцев пребывания в больнице и последовавшего восстановительного курса в лечебнице Салли были предъявлены обвинения в убийстве, совершенном в результате дорожно-транспортном происшествии. Суд назначил ей адвоката. Серреллы присутствовали на процедуре предъявления обвинения и испытали тот гнев, который часто переживают жертвы, когда обвиняемый объявляет себя невиновным.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ПРАВОНАРУШИТЕЛЕМ

Работа над делом с правонарушителем началась с направленного ее адвокату письма, в котором сообщалось о потенциальных выгодах встречи «лицом к лицу». В состоявшемся затем откровенном телефонном разговоре адвокат занял открытую позицию, и его поддержка оказалась в последующем неоценимой. Он открыто признал, что полученное им объяснительное письмо испугало его. Он объяснил это тем, что, будучи защитником в уголовных делах, он часто ощущает себя, в некотором смысле, «продолжением» своего клиента. Поэтому, как он сказал, он всегда использовал «профессиональную отрешенность» с тем, чтобы установить дистанцию и защитить себя от той боли, которую приносят проступки его клиентов. Сама по себе идея оказаться вместе с клиентом лицом к лицу с семьей Элейн представлялась ему пугающей. Тем не менее, он полагал, что процедура медиации может принести пользу его клиенту. Но сначала им нужно было решить, будет ли она признавать себя виновной. Если она решит признать себя виновной, он порекомендовал бы ей участие в медиации. Как только его клиент приняла это решение, он стал оказывать активную поддержку процессу медиации.

Адвокат представляет собой влиятельную и могущественную фигуру в жизни человека, обвиняемого в серьезном преступлении. Он является единственным официальным лицом в системе уголовной юстиции, находящимся на стороне обвиняемого, тогда как вся мощь государства направляется против обвиняемого (например, «Народ против Джейн Доу»). Люди, оказавшиеся в роли обвиняемых по уголовному делу, в значительной мере склонны передавать полномочия по принятию решений своему адвокату; многие адвокаты привыкли и даже поощряют это. Таким образом, поддержка адвоката или ее отсутствие может стать поворотным пунктом для успеха медиации в тех случаях, когда правонарушитель еще не был осужден.

В нашем случае адвокат пришел на встречу-медиацию, понимая, что его роль здесь заключается в том, чтобы наблюдать, давать советы и поддерживать своего клиента. Он ни разу не говорил за нее, как это распространено среди адвокатов. Найти такой баланс отношений с адвокатом очень сложно и крайне важно. На встрече жертвы и правонарушителя «лицом к лицу» и при разговоре «по душам», где язык тела значит, по крайней мере, не меньше, чем произносимые слова, трюк с замещением одного из участников представителем, который будет говорить от его имени, просто не пройдет. (Во время вынесения приговора по этому делу адвокат сказал судье, что медиация «принесла удовлетворение всем участникам и стала значительным событием для него как для адвоката. Благодаря ей возникла некая «удовлетворенность процедурой», которой так часто не хватает, поскольку процесс уголовного правосудия зачастую оставляет у людей ощущение, что они были обойдены вниманием».)

На предварительной беседе, состоявшейся в офисе адвоката, двадцатипятилетняя правонарушительница выглядела бледной и мрачной. Она передвигалась с помощью палочки. С самого начала Салли выразила свой страх в отношении того, что родственники Элейн будут также полны гнева и ненависти, как и она была бы, погибни кто-то из ее близких по вине пьяного водителя. Салли рассказала о том, что привело к столкновению, о полученных ею травмах, которые чуть не оказались смертельными, и о том, что теперь она выздоравливает. Она описала тот ужас, который испытала, когда узнала, что убила человека. Большую часть двухчасовой беседы она всхлипывала и рыдала.

Хотя в какой-то момент встречи Салли и сказала, что «не только убила человека, но и разрушила жизнь двух семей», ее беспокоило в основном то, что пришлось пережить и выстрадать ей самой и ее семье. На том этапе ее способность сострадать родственникам жертвы и понять, каково им сейчас, была небольшой. До встречи-медиации Салли получила «домашнее задание», где ей нужно было подумать и написать о том, какое воздействие случившееся могло оказать на родственников Элейн. Ей нужно было также подумать, что бы она хотела сказать им и что, по ее мнению, им могло быть нужно от нее.

Салли рассказала, что четыре года назад ее уже осуждали за управление автомобилем в нетрезвом виде, а также что ее отец «пьет слишком много». После аварии, по ее словам, она не употребляла спиртного. Однако она отрицала, что является алкоголичкой или злоупотребляет спиртным. Автор объяснил ей, что одним из сильнейших мотивов, руководивших родственниками Элейн в их желании провести медиацию, была заинтересованность убедиться, что Салли больше никогда не поставит под угрозу жизни других людей. Они надеялись на перемены, которые может принести встреча с ней. Салли указали на то, что они могут не поверить ее отрицанию проблем с алкоголем или не принять ее заверений. По этой причине ей настоятельно порекомендовали пройти тест, позволяющий объективно оценить степень злоупотребления алкоголем, чтобы она могла прийти на встречу, обладая более полной информацией о своей приверженности спиртным напиткам. Она согласилась подумать об этом.

Мы договорились снова побеседовать через несколько недель. К этому времени Салли прочитала заявления жертв о воздействии на них преступления и получила результаты теста на злоупотребление алкоголем. В беседе Салли казалась уже абсолютно другим человеком:

заявления жертв проняли ее до глубины души, пробившись через защитный заслон и жалость к себе. Ее потрясли размеры утраты и боли, которым она стала причиной. К тому же, тест на злоупотребление алкоголем поколебал ее твердость в отрицании наличия у нее проблем с выпивкой. Консультант-нарколог пришел к выводу, что она находится «в начале средней стадии алкоголизма». Салли поясняла: «В моем городе напиваться – обычное дело. Там и заняться-то больше нечем. Я считала это нормальным – ходить куда-то с подружками и выпивать. Мы ходили куда-нибудь почти каждый выходной и иногда вечерами по будням. Теперь я знаю, что это не нормально. Хотела бы я, чтобы случившееся со мной открыло бы глаза этим людям. Но этого не произошло. Они не думают, что это может произойти и с ними».

По словам Салли, как только «она прозрела», то стала обсуждать со своими друзьями и знакомыми то, что они садятся за руль пьяными, стала рассказывать об ужасе совершенного ей. Она заявила, что хочет найти способ, чтобы пережитое ею изменило других и, возможно, спасло чьи-то жизни.

Становилось очевидным, что Салли готова встретиться с родственниками Элейн. Чтобы поддержать ее, на встрече должна была присутствовать ее лучшая подруга. Жених Салли тоже пожелал быть с ней там, но «он бы хотел защищать меня, а я иду туда совсем не за этим». Такие слова были восприняты как еще один показатель готовности Салли к медиации. Она уяснила суть. Она шла на встречу, полная угрызений совести, раскаяния и сочувствия к жертвам. В ней не было негативного настроения, желания защищаться или жалеть себя. Она шла, чтобы встретиться лицом к лицу с Серреллами и принять ответственность за содеянное. Положительный исход медиации был весьма вероятен. Мала была вероятность того, что жертвы испытают что-то вроде повторной эмоциональной виктимизации, которая возможна, когда нарушитель ищет оправдания своим действиям или пытается переложить вину на жертву или кого-то еще.

Продемонстрировать, какую пользу принес жертвам процесс предварительной работы может выдержка из письма, которое автор получил от Питера за несколько дней до запланированной встречи-медиации.

«Кейтлин и я решили, что душевное спокойствие, исцеление и избавление от этого чувства бессилия, которые уже начинает сопровождать нашу жизнь, стоят того, через что нам пришлось пройти, готовясь к этой встрече, и даже больше. Мы оба готовы к медиации, чем бы она ни обернулась».

МЕДИАЦИЯ

События и итоги длившейся четыре с половиной часа встречи, по мнению автора, можно было в основном предсказать исходя из того, что происходило до нее. Было пролито много слез, произнесено много ярких слов; жертвы и правонарушитель стали сторонниками в исцелении друг друга. Результатом встречи стало соглашение, в соответствии с которым Салли обязалась, будучи в тюрьме, посещать собрания Анонимных Алкоголиков и группы, где перед заключенными выступают потерпевшие, рассказывая о своих проблемах. Она согласилась, что по освобождении будет изыскивать способы проводить в своей округе пропаганду против управления автомобилем в нетрезвом виде, такую, как выступления в средних школах перед классами обучающихся вождению. Соглашение также включало пункты, призванные дать ей возможности выполнить свои обещания. Она продолжит свое образование, получит аттестат об окончании средней школы экстерном, по крайней мере, еженедельно будет писать своим детям, каждую неделю посещать церковь, совершенствовать свои родительские навыки и отдавать 10% своего дохода на благотворительность. Она будет каждые три месяца писать Питеру, чтобы отчитаться о продвижении дел по каждому из этих пунктов. Все участники одобрили

идею передачи достигнутого ими соглашения, которое иначе осталось бы конфиденциальным, прокурору и судье для смягчения приговора Салли.

ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА

При вынесении приговора присутствовали все участники встречи-медиации. Бэтти Менкин зачитала отрывок из написанного ею за несколько месяцев до этого заявления о воздействии на нее преступления. Она прочитала ту часть, в которой говорилось, что необходимо для того, чтобы заслужить ее прощение:

«Я не считаю прощение чем-то, что я должна даровать в одностороннем порядке. Его надо заслужить. Нарушитель должен продемонстрировать пять моментов: признание, сожаление, раскаяние, возмещение и изменение. *Признание* – это признание того, что совершенное ею дурно и что она несет ответственность за злодеяние и все его негативные последствия. (Если она в тюрьме, она признает, что находится там потому, что села за руль пьяной, а не потому, что прокурор или судья поступили с ней подло или несправедливо. Если она испытывает боли, она признает, что это следствие того, что она села за руль пьяной, а не того, что нет обезболивающих лекарств или медицина не способна сделать так, чтобы она была «как новенькая».) *Сожаление* означает, что каждый раз, когда она думает о том зле, которое совершила, она сожалеет, что не сделала по-другому. Это постоянное повторение того, как ей жаль, что она поступила именно так, и как она поступила бы иначе, будь у нее теперь такая возможность. *Раскаяние* – это когда глубокое сожаление приводит к твердой решимости в будущем поступать лучше. *Возмещение* не может быть прямым в данном случае: она ничем не способна восполнить Дэйвиду утрату жены, а мне – потерю сестры. Единственным возмещением с ее стороны может быть постоянное, на всю жизнь стремление сделать мир лучше - как благодарность за то, что она выжила в той аварии. От нее не требуется полностью исправить мир, но нельзя освобождать ее от необходимости начать эту работу и постоянно пытаться делать это. *Изменение* – это значит, что она должна создать новую форму самой себя: стать трезвым, думающим о других и внимательным человеком, человеком для других. Если она может сделать все это, я могу простить».

Прокурор, а также адвокат Салли предъявили соглашение, достигнутое на медиации, как свидетельство добровольного и мужественного вклада Салли в исцеление родственников жертвы и собственную реабилитацию. Тем не менее, в связи с уже имевшейся у нее судимостью за управление автомобилем в нетрезвом виде, суд приговорил Салли к максимальному сроку, который только она могла получить в соответствии с Руководством по вынесению приговоров²⁴ данного штата.

ЭПИЛОГ

Сейчас, по отбытии пятнадцати месяцев тюремного заключения из назначенных ей тридцати четырех, Салли продолжает вести регулярную и частую переписку со всеми родственниками Элейн. Они дважды навещали ее в тюрьме. Согласно ее отчетам, она выполнила (насколько это возможно на настоящий момент) все пункты соглашения, обсуждавшегося на встрече, включая получение аттестата об окончании средней школы экстерном. Кроме того, она стала лидером в своей группе Анонимных Алкоголиков.

---

²⁴ Руководство по вынесению приговоров представляет собой разрабатываемый с участием судей и ежегодно обновляемый нормативный акт, в котором скрупулезно перечислены факторы, смягчающие или отягчающие наказание по сравнению с усредненной карой, предусмотренной законом. Использование Руководства позволяет сделать судебные решения более предсказуемыми, ограничить произвольное усмотрение отдельных судей, стандартизировать судебную практику. Такие руководства применяются как в федеральной судебной системе США, так и в целом ряде штатов. – *Прим. научн.ред.*

Родственники Элейн говорят об обретении ими чудесного ощущения свободы, позволяющего им теперь сосредоточиться на настоящем и будущем, не застревая в столь болезненном прошлом. В годовщину смерти Элейн семья собралась, чтобы установить надгробие на ее могиле. На церемонии они образовали круг, в котором каждый делился своими переживаниями (почти такой же, какой был устроен на первой семейной встрече автора с ними). Но год спустя они уже сосредоточивались не на том, как Элейн умерла, но на том, как она жила и как они могут сохранить ее память. Члены семьи Серреллов подали губернатору штата Вашингтон петицию о помиловании или досрочном освобождении Салли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение скажем коротко о нескольких основных уроках и руководящих принципах, которые можно извлечь из этого случая. Некоторые из них равно применимы к медиации по случаям менее тяжких преступлений.

- Насильственное преступление, как правило, оказывает воздействие не только на непосредственную жертву, но и на значительно больший круг людей. Время подготовки для каждого, кому встреча с нарушителем может принести пользу, бывает разным. Каждая жертва в разном темпе проходит через этапы горя и утраты. В процессе предварительной работы над делом необходимо учитывать все эти различия.
- Дело должно «созреть» для медиации. Проществие некоторого времени принесет необходимое исцеление и прояснит, что стороны хотят и что им нужно от процедуры медиации. Такому «созреванию» можно способствовать при помощи «домашний заданий», которые помогают участникам конфликта разобраться в своих чувствах, найти в себе сострадание или осознать, что им нужно. Медиатор должен быть в состоянии почувствовать, чего «не хватает», и предложить соответствующие задания.
- Медиатор должен уметь эффективно работать с (и заручиться поддержкой) адвокатом по данному делу, а также с прокурорами, судьями, сотрудниками службы пробации и исправительных учреждений, психиатрами и терапевтами.
- Необходимо поддерживать тонкое равновесие между предварительными условиями успешной медиации (такими, как определенный уровень сочувствия и сострадания жертве со стороны правонарушителя) и признанием того, что, возможно, потребуются, чтобы какой-то уровень тех же самых чувств, например, сострадания, возник у правонарушителя как следствие непосредственного столкновения с болью и утратами жертвы. Следует тщательно оценить важность защиты жертвы от возможности вторичной виктимизации. Не исключено, что понадобится идти на просчитанный в разумных пределах риск, но только с согласия жертвы, основанного на полной информации о ситуации.
- Если дело пригодно для медиации и ведется терпеливо и внимательно, оно почти наверняка снабдит стороны положительным опытом. Если предварительная работа над делом проходит не гладко и вероятность положительного результата представляется низкой, необходимо сбавить темп и заново провести анализ ситуации. Вполне возможно, что лучше будет оставить идею о медиации и направить участников к другого рода источникам.
- Если использовать этот процесс умело и для подходящих ситуаций, сила его в содействии исцелению, примирению, реабилитации и обретению чувства завершенности конфликта просто огромна. Для многих участников после него началась совсем другая жизнь.

Марти Прайс, (доктор права) – «восстанавливающий адвокат» и социальный работник, ставший медиатором, является создателем и в прошлом был директором Программы примирения жертвы и правонарушителя в графстве Клакамас (штат Орегон). В настоящий момент он сопредседатель международной Ассоциации программ медиации жертвы и

правонарушителя (VOMA). Он занимается медиацией жертвы и правонарушителя, предоставляет консультационные и тренинговые услуги судам, программам медиации и частными лицам. Марти Прайс является специалистом в проведении программ медиации по случаям управления автомобилем в нетрезвом состоянии, повлекшего за собой смерть, а также по случаям других тяжких насильственных преступлений. Свяжитесь с ним по адресу:

2315 NE Mason, Portland, OR 97211, (503) 281-5085

email: marty@hevanet.com

Дело Серрелл/Купер. Обновленная информация

Петиция о помиловании, составленная семьей Серреллов, была отклонена. Последние три месяца своего срока Салли находилась вне тюрьмы, в Центре для работающих заключенных. Пребывая там, она начала выступать на мероприятиях организации «Матери против вождения автомобиля в состоянии алкогольного опьянения», рассказывая нарушителям, садившимся за руль в нетрезвом состоянии, о том, как она убила человека. Свою историю она рассказала также перед несколькими классами средней школы, ученики которых обучались вождению. Салли работала кассиром в ночном клубе, где не продавался алкоголь.

Двадцать девятого декабря 1995 года, после отбытия 21 месяца срока своего наказания, Салли была досрочно освобождена за хорошее поведение. 31 декабря, в канун Нового года, история об этом случае появилась на первой странице самой крупной ежедневной газеты в штате Орегон – *The Sunday Oregonian*. В этом интервью «Салли» решила отказаться от своей анонимности. В газете, где была напечатана ее фотография, она впервые рассказывала свою историю как Сюзана Купер. Члены семьи Серреллов и Сюзана объяснили, что заставило их высказаться: они надеются, что эта история, появившись в новостях, поможет спасти чьи-то жизни на шоссе в тот вечер. Национальное телеграфное агентство распространило эту историю по всем Соединенным Штатам.

В апреле следующего, 1996, года местная радиостанция, где Элейн была ведущим-добровольцем в программе «Садовник тропических лесов», посвятила местный сад памяти Элейн. Сюзана присутствовала на церемонии посвящения. Серреллы и Сюзана приветствовали друг друга объятиями.

В те выходные Серреллы, Сюзана и я давали интервью национальной телепрограмме, права на показ передач которой проданы нескольким независимым станциям. Мы говорили о новых, многообещающих возможностях реагирования на преступность. Эта запись, которая называлась «Исправить содеянное», выходила в телевизионный эфир четыре раза.

В октябре 1996 года на открытии ежегодной конференции Международной Ассоциации программ медиации жертвы и правонарушителя Сюзана и Бэтти Менкин рассказали о своем случае. Затем аудитория приветствовала их, а также Питера и Кейтлин, которые тоже находились среди слушателей, продолжительными аплодисментами.

Сюзана и Серреллы находятся в постоянном контакте, представляя собой уникальный исцеляющий симбиоз обидчика и обиженных. Сюзана по-прежнему воздерживается от алкоголя и посещает занятия в местном колледже. При этом семья Серреллов оплачивает обучение и учебники. Сюзана продолжает рассказывать о случившемся с ней водителям, задержанным за управление автомобилем в нетрезвом состоянии, а также школьникам, обучающимся вождению.

The Guardian, 10 Января, 2000

«Я СКАЗАЛА УБИЙЦЕ СВОЕГО СЫНА, ЧТО ПРОЩАЮ ЕГО»

Программа, призванная исцелять боль, причиняемую преступлением, принесла свои плоды матери, которая встретила с человеком, виновным в смерти ее единственного сына. Но поможет ли «восстановительное правосудие» другим? Рассказывает Чарльз Сиглер.

Каждый из участников этой встречи и ждал и боялся ее в равной мере. Девять месяцев посредник из службы пробации готовил их к ней. Ни Мэри, ни Майкл не могли с уверенностью сказать, чем все могло обернуться. Ведь, в конце концов, она – мать, единственный сын которой бы убит в свой двадцать первый день рождения. Он – молодой человек, приговоренный к шести годам тюрьмы за это убийство.

Идея такой встречи принадлежала Мэри, но, пока она дожидалась возможности оказаться лицом к лицу с человеком, отнявшим жизнь у ее сына, она, по ее собственным словам, дошла до полного нервного истощения.

Майклу было страшно. В церковь, где должна была состояться встреча, его привели из камеры. «Как будто снова идешь в суд, только еще хуже. Нужно было подняться по небольшой лестнице, ступенек пять. Мне показалось, их было двести. Я не мог поднять ногу, чтобы поставить ее на ступеньку».

Сама идея того, что такие встречи способны заживлять раны, нанесенные преступлением, не нова. Однако эта базовая концепция была расширена и включена в радикальный подход, известный под названием «восстановительное правосудие». Как полагают его сторонники, традиционную систему преступления и наказания можно заменить восстановительной системой, в основе которой лежат групповые встречи и соглашения о возмещении вреда.

Для Мэри и Майкла встреча стала возможностью избавиться от горечи и непонимания, которые, хоть и вызванные разными причинами, одинаково тяжелым грузом легли на их жизнь.

Мэри испытала ужас, когда полицейские сообщили ей, кто был арестован по подозрению в убийстве ее сына. В школе ее сына постоянно задирали мальчик с такой же необычной фамилией, и она сделала неверный вывод. Майкл признал себя виновным в убийстве, поэтому судебного рассмотрения дела не было и в суде ничего не было сказано ни о мотивах, ни об обстоятельствах нападения. Мэри полагала (ошибочно), что ее сын был затравлен и убит человеком, изводившим и преследовавшим его на протяжении многих лет. Одна газета ухватилась за идею с травлей и раздула из этого большую историю. На самом деле тем задирай был не Майкл, а один из его братьев. Майкл в возрасте четырнадцати лет уехал жить к своим бабушке и дедушке. Его версия гибели сына Мэри значительно отличалась от той, которую предлагали газеты. Он выпивал в компании своих знакомых, в числе которых был и сын Мэри. Все вместе они отправились в соседний квартал, где, как им сказали, в одном из многоквартирных домов должна была проходить вечеринка. Началась перебранка, и в ход пошли кулаки. Сын Мэри хотел убежать и упал с крыши.

Майкл признал вину в убийстве, поскольку чувствовал и до сих пор чувствует, что несет ответственность за случившееся. Он был готов принять наказание, но с трудом мог поверить в то, что писали о нем газеты. Он чувствовал, что на него поставили клеймо «зверя» и «психопата». Его вариант этой истории выслушать никто не хотел.

Майкл отбывал срок в тюрьме, держа свои чувства при себе. После двух лет пребывания в тюрьме он познакомился с Барброй Тюдор, сотрудником службы пробации Западных центральных графств. К Тюдор обратилась Мэри, которую беспокоил вопрос о том, что может произойти, если она случайно столкнется с Майклом на улице после его освобождения.

Тюдор и Линн Фергюсон, ее коллега, в течение девяти месяцев работали по отдельности с Майклом и Мэри. В конце концов, была организована их встреча. «Я просто стояла и ждала,

когда он войдет. Потом его привели. Он выглядел очень хорошо, по-настоящему симпатичный молодой человек», – вспоминает Мэри.

«Как вообще можно его ненавидеть, подумала я. Я не могла его ненавидеть, потому что не знала его. Я ненавидела то, что он сделал, но по отношению к нему самому я не испытывала ненависти. Поэтому я просто подошла, обняла его и сказала: «Я здесь не для того, чтобы сделать тебе больно. Я хочу помочь тебе»».

«Я ожидал, что она меня ударит, исцарапает, вырвет мне волосы. Возможно, думал я, я заслуживаю всего этого. Я был ошеломлен. Она была так спокойна, что я стал чувствовать себя более свободно. Я подумал, что это я должен помочь ей. Ведь виноватым здесь был я».

Мэри вспоминает: «Он вдруг встал и спросил, может ли он сесть с другой стороны стола. Он сел рядом со мной и держал меня за руку, пока рассказывал. Та история, которую он мне поведал, отличалась от сообщений полиции и от того, как я сама себе все представляла».

Мэри думала, что над ее сыном издевались из-за его маленького роста и необычной внешности. Майкл уверил ее, что это не так. Когда они познакомились, они вместе смеялись и шутили.

«Я хотел, чтобы она услышала о случившемся с моих слов, а потом уже могла делать выводы», – говорит он. «Дело было не просто в сожалении. Я очень сожалел, но это не вернуло бы ей сына. Я хотел, чтобы она увидела, что я за человек. Что я не тот психопат, которого изобрели газеты. Ведь если ты посмотришь кому-то в глаза, ты можешь сказать, что он из себя представляет».

Баронесса Вивьен Стерн из «Международного центра тюремных исследований» (*International Centre for Prison Studies*), одна из наиболее активных сторонниц восстановительного правосудия, говорит, что основная задача заключается в том, чтобы найти более продуктивный и адекватный способ решения вопросов, связанных с преступностью и конфликтами. «От виселиц и высылки, от выжигания клейма и колодок мы прошли долгий путь к тюрьме. Теперь мы движемся еще дальше, в сторону от этого устаревающего понятия, к системе, суть которой в значительной степени в том, что в центре процесса оказывается жертва», – говорит она.

Эти программы в наибольшей степени развиты в Новой Зеландии, где группы, работающие с жертвами и правонарушителями, есть в каждом городе. Эти группы помогают сторонам договориться о плане возмещения нанесенного ущерба. В тех случаях, где это уместно, в составлении плана также участвуют родственники. Соглашение затем передается судье, который имеет право последнего слова в определении того, принять предложенный план или нет. Пионером в области применения восстановительных технологий в Великобритании является полиция долины реки Темза. Они используют эти программы для тех, кто преступил закон в первый и во второй раз. В других районах Англии и Уэльса становлению системы восстановительного правосудия способствуют новые законы в области ювенальной юстиции. В пяти экспериментальных областях магистраты²⁵ обязаны рассматривать возможность возложения на правонарушителя обязанности загладить причиненный вред, что может предполагать утверждение финансовой договоренности сторон, указание на определенный срок работы правонарушителя на благо потерпевшего или сообщества или принесение извинений, предпочтительно осуществляемое лично.

Вивьен Стерн говорит, что проблема традиционной системы уголовной юстиции в том, что она не приносит удовлетворения тому человеку, которому было причинено зло. «Люди требуют

---

²⁵ Магистратами называются в Англии и Уэльсе судьи наиболее близкого к населению звена судебной системы. Магистраты – это британский аналог «мировых» судей. Подавляющее большинство английских магистратов не имеют высшего юридического образования и работают судьями на общественных началах, не получая за рассмотрение дел никакого денежного вознаграждения. – *Прим. научн.ред.*

все более и более строгого наказания, более тяжелых страданий для преступника. Но это все равно не дает им чувства удовлетворенности от разрешения дела».

Она говорит, что жертвы преступлений, помимо всего прочего, нуждаются в понимании. Они хотят, чтобы правонарушители осознали содеянное и признали тяжесть тех страданий, причиной которых они стали. Многие хотят также, чтобы случившееся не прошло даром. Иными словами, они хотят, чтобы правонарушители прошли через нечто такое, что заставило бы их свернуть с преступного пути.

По словам Мэри, встреча с Майклом дала ей возможность рассказать о том, что она пережила, и попытаться найти ответы на те вопросы, которые беспокоили ее долгое время. В самом начале она сказала Майклу: «Ты лишил меня моей жизни и моего будущего. Он был моим единственным сыном. Теперь у меня не будет внуков, и я буду одна».

Встреча, включая совместный обед участников, длилась несколько часов. «Мы говорили, и я сказала ему, что прощаю его и что мой сын тоже его прощает».

Майкл утверждает, что встреча с Мэри помогла ему, когда почти год назад он освобождался из тюрьмы. Сейчас у него есть работа, и он живет с женой, сыном и новорожденной дочкой. «Я не должен ни от кого прятать лицо. Для меня имеет значение только то, что я встретился с матерью этого парня. Она увидела, какой я на самом деле, и мне не интересно, что могут думать все остальные».

Тюдор, проработавшая в службе пробации пятнадцать лет, занимаясь такими делами, полагает, что пример Мэри и Майкла доказывает, что восстановительное правосудие «действует». Майкл обрел уверенность в себе и решимость не ставить на своей жизни крест. Утром в день встречи подруга убеждала Мэри отказаться от этой идеи, которая может окончательно надломить ее. Мэри не последовала совету. «За многие годы, – говорит она, – я не чувствовала себя столь спокойно, как теперь».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРОЕКТ

Совета Группы по введению медиации в Польше, Канцелярия Сената,
28 августа 2000 г.

Предложения о принципах и способах введения медиации после приговора²⁶

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Цели введения процедуры медиации в исправительных учреждениях - это в первую очередь:

- обеспечить заключение соглашений между правонарушителями и пострадавшими, что окажет положительное влияние на общественные отношения;
- предупреждать преступность путем сокращения числа возвратов отбывших наказание лиц в исправительные учреждения;
- восстанавливать правильные взаимоотношения в семье осужденного, что поможет ему вернуться к жизни на свободе;
- осуществлять правовое и этическое просвещение всех участников процесса медиации;

---

²⁶ Текст проекта любезно предоставлен руководителем Группы по введению медиации в Польше доктором Яниной Валюк.

- демонстрировать пользу для правосудия и общества, получаемую благодаря введению восстановительного правосудия.

2. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

С сентября 1998 года, т.е. со дня вступления в силу новых кодексов уголовного права, дела могут направлять на медиацию: прокурор в ходе досудебного производства; суд до начала судебного заседания на основании ст. 320 и § 4 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Польши (далее – УПК) по делам публичного обвинения и на основании ст. 489 § 2 УПК - по делам частного обвинения.

Применение медиации влечет за собой уголовно-материальные последствия, предусмотренные в § 3 ст. 53, ст. 56, п. 1 § 2 ст. 60 и § 3 ст. 66 Уголовного кодекса Польши (далее – УК). Не предусмотрено положение, по которому медиация могла бы стать основанием для отмены временного ареста, но это не означает, что на практике к ней нельзя обратиться.

О медиации не говорится в Уголовно-исполнительном кодексе Польши (далее – УИК), но так как она не запрещена, то ее можно применять в качестве средства воспитательного воздействия на основании ст. 67, § 1 и 2 ст. 89 и ст. 95 УИК. Это может также служить обоснованием для применения поощрений в соответствии с положениями ст. 137 и последующих статей УИК, а также аргументом в пользу удовлетворения ходатайства директора исправительного учреждения об условно-досрочном освобождении (ст. 161 УИК).

В странах, где применяется медиация с людьми, заключенными в исправительных учреждениях тюремного типа, ее считают «безопасной формой медиации». Комитет министров Совета Европы в Рекомендации R 99, принятой 15 сентября 1999 г., подчеркивает значение усиления чувства ответственности у преступников, что может способствовать их ресоциализации и интеграции, как это предусмотрено Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. В общих положениях данной Рекомендации говорится, что «медиация в уголовных делах должна быть общедоступной на всех стадиях уголовного производства». В польских условиях, когда значительное большинство заключенных не имеет работы, а явление рецидива становится все более повсеместным, когда в тюрьмах не хватает мест для всех, кто приговорен к заключению, такие решения представляются рациональными.

С 1996 года разработкой программы медиации между жертвой и правонарушителем занимается в Польше группа теоретиков и практиков, а ее работу координирует председатель Вроцлавского общества опеки над заключенными и Общества медиаторов „Pro consensu”. В 1997 году в Главном учебном центре тюремной службы в г. Калише в результате многочисленных встреч, дискуссий и семинаров была разработана 5-ая версия программы, переданная в 1998 году министру юстиции, а в марте 2000 года - работникам среднего уровня тюремной службы и членам Группы по введению медиации в Польше. В качестве рекомендаций по введению медиации в исправительных учреждениях были приняты Рекомендации II Конгресса польской пенологии. В п. 2 Рекомендаций «Альтернативы для наказания в виде лишения свободы» рекомендуется «применять медиацию между жертвой и осужденным во время исполнения наказания в виде лишения свободы», а в п. 6 Пленарных Рекомендаций Конгресса «предлагается разработать модель медиации также на этапе исполнения наказания в виде лишения свободы».

На заседании Совета в июле 2000 года было предложено рассматривать медиацию после вынесения приговора как правовой институт и ввести ее в УИК. Отмечалось, что следует ознакомить работников тюремной службы с институтом медиации, ее целями и принципами, а медиаторов - с существующими в Польше реалиями отбывания наказания в виде лишения

свободы. Совет не разделяет опасений, что введение медиации в исправительные учреждения окажется дополнительным тяжелым бременем для работников тюремной службы. Тюремная служба была бы лишь обязана подготовить тюрьмы к медиации и обеспечить условия для ее проведения. Считается, однако, что на первом этапе применения медиации после вынесения приговора она может быть ограничена и может стать так называемой « опосредованной медиацией», когда стороны передают друг другу пожелания через медиатора. В связи с этим Совет предлагает ввести в УИК необходимые изменения, и в особенности, важную поправку к § 1 ст. 1 УИК, который следует дополнить нормой о принудительном исполнении судебных решений в уголовном процессе также и по делам, направленным на рассмотрение путем медиации²⁷.

Кроме того, при реализации мирового соглашения, достигнутого в результате медиации, медиатора следует считать органом, исполняющим судебное решение, о котором идет речь в ст. 2 УИК, несмотря на то, что он в нем не указан. Достаточно, что этот вопрос регулируется подзаконным актом²⁸.

Процедура медиации может быть также включена в индивидуальную программу воздействия на осужденных путем обучения их методу ненасильственного решения конфликтов. Заключение подготавливали бы, таким образом, к возможным дальнейшим процедурам в процессе медиации после того, как он покинет исправительное учреждение.

Ведение медиации с преступниками, заключенными в исправительных учреждениях, может быть основанием для:

- условно-досрочного освобождения;

- представления о помиловании; -

а, кроме того, может:

- привести к изменению положений о порядке, типе и способе наказания в виде лишения свободы;

- облегчить приспособление заключенного к жизни на свободе (благодаря медиации, решающей семейные конфликты заключенных);

- повлиять на появление и усиление чувства ответственности за собственные поступки, а также позволить увидеть в другом свете людей, пострадавших в результате преступления, и перестать их ненавидеть за то, что они стали непосредственной причиной заключения правонарушителя в тюрьму.

В свою очередь, пострадавший может при этом не только ощутить удовольствие от прощения обидчика, но также избавиться от страха перед преступником, а в особенности, от опасений, связанных с перспективой выхода осужденного на свободу. Но иногда, особенно когда дело касается несовершеннолетних преступников, пострадавший начинает опекать их, следя за тем, чтобы они выполнили обязательства, предусмотренные заключенным соглашением.

3. ПРИНЦИПЫ И ПОРЯДОК ПРОЦЕДУРЫ ВВЕДЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРА

---

²⁷ В настоящее время также имеется возможность учитывать процедуру медиации благодаря тому, что в § 2 ст. 1 УИК указано: «В исполнительной процедуре по вопросам, не урегулированным в данном кодексе, применяются соответственно положения Уголовно-процессуального кодекса».

²⁸ См.: п. 10 ст. 2 УИК - нужен ли, таким образом, закон?

3.1. Выбор дел и сторон для медиации

Медиацию после вынесения приговора можно вести по любому делу, рассмотрение которого завершилось назначением наказания. Это могут быть дела о преступлениях различного рода. Медиацией не должны быть, однако, охвачены дела, касающиеся мафиозной и организованной преступности, а также тяжкие преступления против членов семьи, жертвами которых были дети. Кроме того, медиацией не должны быть охвачены люди, страдающие глубокими нарушениями личности, серьезными душевными заболеваниями.

3.2. Кто может ходатайствовать о направлении дела на медиацию

Ходатайствовать о направлении дела на медиацию могут:

- жертва или правонарушитель;
- директор исправительного учреждения;
- работник тюремной службы исправительного сектора;
- капеллан;
- судебный попечитель;
- ближайшие родственники жертвы и правонарушителя .

Представление о медиации нужно направлять в Центры медиации, список которых получают директора исправительных учреждений, либо прошедшим обучение медиаторам, зарегистрированным в Апелляционных судах. Группа по введению медиации и Общество медиаторов „Pro consensu» отправят исправительным учреждениям и пенитенциарным судам буклеты, справочники и материалы, которые помогут понять смысл введения медиации с преступником, находящимся в пенитенциарном учреждении, следственном изоляторе, исправительном заведении или воспитательной колонии для несовершеннолетних.

3.3. Порядок действий медиатора

Медиатор:

- знакомится с предоставленными директором исправительного учреждения документами дела, которого касается медиация; ;
- обращается к сторонам, чтобы они дали согласие на медиацию; уведомляет директора исправительного учреждения (или другого работника, назначенного директором) о получении согласия сторон на медиацию;
- *проводит предварительные переговоры с каждой стороной в отдельности;*
- беспристрастно, не навязывая собственных решений, следит за ходом переговоров во время медиации и управляет ими так, чтобы каждая сторона имела возможность полностью представить все свои аргументы;
- при наличии соответствующих предпосылок назначает следующую встречу или очередную встречу, если это не непосредственная медиация.

Обученные Группой медиаторы приносят в Канцелярии Сената присягу в том, что будут честно и добросовестно выполнять обязанности медиатора, соблюдая принципы добровольного участия в медиации, беспристрастности и нейтральности медиатора, конфиденциальности и одобрения медиатора сторонами.

3.4. Определение условий соглашения

Заключенное сторонами соглашение, в котором устанавливаются условия и сроки выполнения принятых обязательств, должно быть составлено в письменной форме, подписано

сторонами и медиатором и передано директору исправительного учреждения, который хранит его в актах осужденного.

Директор исправительного учреждения позволяет осужденному выполнять обязательства, вытекающие из заключенного соглашения, при условии, что они выполнимы и не нарушают правил отбывания наказания в виде лишения свободы.

Медиатор следит за выполнением заключенного соглашения и обязательств в отношении жертвы, информируя о результатах этой работы директора исправительного учреждения.

Директор уведомляет Пенитенциарный суд о соглашении, заключенном между осужденным и пострадавшим, и информирует о его выполнении, если появляется такая потребность в связи с решением, принимаемым этим органом. Результат медиации может иметь значение для принятия решения об исполнении наказания, а в особенности, - для изменения режима отбывания наказания, выдачи увольнительной записки, условно-досрочного освобождения и перерывов в отбывании наказания.

Окончательное решение по соответствующим делам принимает Пенитенциарный суд.